

Аська и Лихо

Автор:

Юлия Фирсанова

Аська и Лихо

Юлия Алексеевна Фирсанова

Другие миры (АСТ)

Не буди лихо, пока оно тихо. Кажется, так звучит старая поговорка? На Земле ее знают даже дети, а в Великом Лесу нашлась парочка остроухих юнцов, незнакомых с сакраментальной истиной. И что? Разбудили ведь древнейшее лихо на свою голову. Сами получили, и Аське Покрышкиной по случаю досталось.

Привязал землянку к Лихаэлю Аэрдану (в переводе с эльфийского Чокнутому) ритуал призыва питомца. А оно ей надо? Не-а! Аська домой хочет, к своей жизни, где не будет места всяким безумцам, а для этого придется поработать.

Богиня Гиаль пообещала помощь за расчистку Великого Леса. Значит, вперед, на баррикады! Но просто не будет! Лихаэль так и норовит втянуть забавную человечку в какие-нибудь неприятности. Ему весело, а каково Аське?

Юлия Фирсанова

Аська и Лихо

Серия «Другие миры»

© Юлия Фирсанова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Эльмиавер неся по быстрой тропе, мысленно моля Лес дать ему доступ к заповедной поляне. Только бы успеть, только бы не опоздать непоправимо!

Почему, ну почему, во имя Светозарной Гиаль, глупые дети избрали местом решения своего спора запретное место? Несусветные упрямы! Если рассчитывали сохранить поединок в тайне от родных и Совета Древ, лучше бы отправились на любой из речных островов Шумливой. Вода прячет следы порой надежнее, чем корни древ. Но они пошли туда, на поляну у круга старых меллорнов, где таилось ОНО, едва ли не самое...

Он не успел! Визардэль и Фаэроен в кругу священных деревьев танцевали свой поединок с тонкими листьями-клинками, выращенными песней так, чтобы наносить минимальный вред, но причинять максимум неприятных ощущений. Как раз в миг явления мастера законов Великого Леса раздалась синхронная вскрики торжества и боли. Порезы дети исхитрились нанести друг другу одновременно, найдя бреши в защите. Кровь брызнула на траву из символических порезов – свидетельств зряшного спора.

Тут же зашумел ветер, жестко прибивающий траву, кусты, гнуций к земле, как траву, могучие деревья. В чистом небе сверкнула молния, оглушительно грянул гром и земля, как вода, разошлась. Могучие корни выпустили на свет гостя.

Высокий, прекраснее самого прекрасного из эльфов, укрытый лишь в живой плащ из волос оттенка закатного солнца, стелющихся по траве, с завораживающими очами, непрерывно меняющими цвет от травяной зелени до

темного сапфира, с аурой силы, пригибающей к земле сильнее самого сильного ветра. Спящий Предок был почему-то страшен так, что клинки выпали из рук поединщиков, рухнувших ниц. Опустился на колени Эльмиавер, пытаясь вымолвить сведенными судорогой губами:

– Благодатного солнца и ярких звезд!

Спящий мазнул взглядом по двум валяющимся эльфятам, разбудившим его своей дракой. Снисходительно облизнул яркие губы и мелодично промолвил:

– Жертвы? Крови их больше не лей, слаба, сила невкусная.

Спустя несколько секунд чудовище задумчиво выдало:

– Возможно, если пытаться, кричать будут красиво?

– Молю, Спящий, о снисхождении, – не вставая с колен, простер длани в сторону восставшего Эльмиавер. – Требуя виру, эй-ороль, – эльф обратился к собеседнику, используя титул «высокий лорд лесных просторов», – но отпусти детей.

– Отпустить? Забрать то, что отдано добровольно не тобой? – сильно удивился странному желанию эльфа собеседник, скривил губы и тут же выдал свою цену: – Тогда дай мне забаву на замену! Я хочу живую игрушку!

– Но... – попытался было беспомощно вякнуть благородный заступник, вгляделся в прекрасное лицо пробужденного, в чьих чертах милосердия отродясь не ночевало, и заткнулся.

– Ну? – притопнул ногой жаждущий развлечений тип. – Меня пробудили, я хочу веселиться! Нет игрушки? Найди, создай, призови! Мне становится скучно! Или все-таки развлекись с криками этих детишек?

– Нет, нет! Я... Призвать? Я призову тебе спутника, – неожиданно и скорее от безнадежности, нежели от чего другого, осенило Эльмиавера. Эльф торопливо пустился в объяснения, больше похожие на причитания. – Есть ритуал зова. Я проведу его для тебя. Верный спутник, разделяющий дорогу! Мой предок

проводил такой для себя и получил каррошара, златогривого и быстроногого. Принцесса Айоль вызвала самого стремительного из охотничьих соколов, а...

– Хватит, – оборвал перечисления Спящий Предок, который уже не спал, и хлопнул в ладони. – Призывай!

Эльф, косясь на беспамятных глупых мальчишек, ввергнувших себя, его, а возможно, и весь Лес в пучину неприятностей, вытащил из-под туники медальон и торопливо запел вполголоса старинную молитву-призыв-заклятье. Что это было на самом деле, затруднился бы сказать и маг поопытнее мастера законов, большую часть времени посвятившего трактовке и соблюдению правил Великого Леса. Он и медальон-то носил на груди как память-дар ушедшей за грань мира Айоль, и лишь в благодарность выучил слова древнейшего ритуала. Призывать защитника-спутника даже не думал: его мир полнился лишь причудливой вязью законов и всеми теми, кому нужна помощь в их постижении.

Теперь дар пригодился. Мелодичный, как у каждого эльфа, голос вел ритуальный речитатив. В затверженной песне Эльмиавер менял лишь одно слово – свое собственное имя на имя Спящего. То самое, которое не рисковали произносить вслух долгие века даже самые безрассудные эльфы.

Отзвучала песня призыва и воцарилась тишина. Странная для вечноживого леса, неизменно наполненного дивной слитной мелодией жизни: шумом соков растений, гвалтом птиц, возней зверья.

– И где? – все еще предвкушающе, но уже готовясь разочароваться и начать забавляться на свой лад, потребовал ответа Спящий.

Будто только и дожидались его требования, в ответ небеса разверзлись – не в невыносимой голубой выси, а не более чем в тройке метров над поверхностью, и с воплем «Ёкарный бабай!» на сокровенную полянку древнего эльфийского леса обрушилось нечто мелкое, живое, но никоим образом не похожее на говорящую птицу любой разновидности.

Призывали ему, потому Спящий поспешил, еще не разобравшись толком, что ему вызвали, подставить руки и поймать обещанное развлечение. Оказавшееся не просто мелким, а еще и когтисто-царапистым. Оно так бесцельно размахивало конечностями, что умудрилось оцарапать щеку Спящего. Нанести рану тому, кто

не видел своей крови веками. Царапина, конечно, тотчас зажила без следа. Но капельки крови ухитрились попасть на того, кто нанес рану, рассадив при этом собственную кожу. Две крови разных истоков смешались, завершая ритуал ослепительно алой вспышкой.

Проморгавшись и все еще цепко держа за шкурку своего призванного спутника, Спящий постарался хорошенько рассмотреть добычу.

– Человечка? – разочарованно протянул древний ужас древнего леса с совершенно детскими капризными интонациями.

– Ты вообще кто такой, нудист волосатый? Отпусти меня! – возмущенно вякнула добыча, пытаясь вывернуться из стальной хватки.

– У тебя плохо получилось. Я ее убью, призови другого спутника, – потребовал Спящий, бросая неказистое создание на траву с такой силой, что у того сбилось дыхание и несколько секунд оно не могло вымолвить ни слова.

– Это невозможно, – с трудом восстанавливая силы благодаря нахождению близ сердца леса, возразил Эльмиавер. – Ритуал завершен, и повторить его никто не в силах. Лишь троекратно можно было пропеть песнь призыва и единожды для каждого нуждающегося. Амулет великого мастера разрушен. Но финал песни был искажен действием. Эй-ороль, вы случайно смешали кровь с призванным спутником.

– И что? – капризно изогнул бровь Спящий.

– Вы приняли это создание в свой род на правах младшего родственника, цвет вспышки... Светозарная Гиаль скрепила ваши узы.

Возможно, Эльмиаверу слышалось, но Спящий пробормотал под нос нечто вроде «мстительная стерва». Пока велся этот разговор, пришла в себя валяющаяся на траве человечка.

Она вскочила на ноги и заозиралась вокруг. Очевидно, лес ничуть не походил на ту местность, где обитала призванная сюда особа.

– Эй вы, верните меня, где взяли! – потребовала юная девица человеческой породы, сурово сведя брови и взъерошив рукой постыдно короткие коричневые, как шерсть у зверей, волосы.

А Спящий вместо того, чтобы убить Эльмиавера, коль поднять руку на неподходящего спутника он не имеет возможности, взял и расхохотался. Весело, звеняще, завораживающе задорно, так что эльф потерял нить рассуждений и начал улыбаться, заражаясь против воли настроением Спящего Предка.

– Я с глухими разговариваю? Хватит ржать! Верните меня назад, откуда взяли! – сварливо повторила почему-то совершенно не очарованная дивными звуками взлохмаченная человечка.

После мелодичного смеха Спящего ее голос показался хриплым карканьем мелкой вороны.

– Передумал! Убивать не буду! Она забавная! Я буду звать ее Асе, ежик, – объявил Спящий.

– Ас – это скандинавский бог, а я Ася, нечего коверкать, – сварливо поправила нахальная человечка, снова осмотрелась и обратилась к Эльмиаверу: – Ты, дядя, вроде чуть более адекватен, чем этот неизвестно чем обкурившийся нудист. Верните меня назад! Это ведь из-за вас я тут очутилась, не знаю уж каким образом.

– Прости, человечка, ритуал завершен. Ты связана со Спящим, – эльф повел рукой в сторону указанного создания, – нерасторжимыми узами.

– Чего? – нехорошо прищурилась девушка и даже себя на всякий случай оглядела. Цепи, что ли, искала?

– Не в нашей воле их расторгнуть, и переместить тебя куда-либо я тоже не властен. Ты была призвана ритуалом, обратной силы он не имеет.

– А кто может все взад повернуть? – мрачно спросила насупившаяся Ася.

– Подобное во власти лишь высших сил, – расплывчато ответил Эльмиавер, и сам не знаящий доподлинно четкого ответа на вопрос.

– То есть нельзя вам, а им можно? – продолжила допытываться упрямая человечка.

– Воистину, – подтвердил законник, усвоивший одно: Высшие, если на то есть их воля и желание, могут многое, почти все, но ключевое слово в этой сентенции «если».

– Тогда зови их или веди к ним меня, – потребовала девушка.

– Она забавная, – снова со смешком восхитился Спящий. – С высшими говорить желает.

– Хоть с чертом лысым, ёкарный бабай! – рявкнула Ася, теряя остатки терпения. – Я домой хочу, я свободная девушка, а не пришей кобыле хвост к какому-то нудисту в чаще колючего леса!

Эти слова стали последней каплей в чаше. Спящий рухнул на траву, содрогаясь от смеха.

Глава 1

Поручение богини

Пока Спящий веселился, Эльмиавер, напротив, чую возможные проблемы, постарался объяснить все человеческой девушке максимально доступно и просто:

– Чтобы тебя услышали, ты должна что-то значить для того высшего, к кому обращаешься. Только тогда к твоей мольбе могут снизойти. В наших лесах храмов твоих богов нет, есть лишь святилища Светозарной Гиаль. Чтобы эльфийская богиня обратила свой взор на человека, его заслуги перед Великим Лесом должны быть воистину весомы, а дары щедры.

«Утром деньги, вечером стулья», – мрачно пробормотала себе под нос человечка, а затем, уже более громко, обратилась к Эльмиаверу:

– Но под лежащий камень и вода не течет. Отведи меня, пожалуйста, в храм этой вашей Гали. Я попробую!

На Спящего девушка демонстративно не обращала внимания ровно до тех пор, пока тот не спросил:

– Кто такой нудист?

– Это ты, – рявкнула Ася. – Одейся в волосы и хватит.

– Одежда? – чуть нахмурился Спящий и тут же снова заулыбался: – О, вспомнил!

– Блеск, – мрачно оценила девушка. – Нудист-склеротик!

А Спящий просто встряхнулся или гибко потянулся всем телом, и в следующий миг уже оказался облачен в переливчато-легкую тунику, эльфийские сапожки и несколько дюжин прочих элементов одежды, подходящих знатному эльфу. Скептически оглядел себя в наколдованную гладь стоящего водного зеркала и небрежным щелчком пальцев убрал почти все призванное, оставив лишь лосины, обувь и тунику. Заодно, завистливо покосившись на Асю, укоротил и волосы до бесстыдной длины в полторы ладони, едва достающей до середины шеи, скопировав стрижку человечки.

Пока Спящий занимался собой, Эльмиавер бочком-бочком скользнул к бессознательным детям и, опустившись рядом с ними на корточки, возложил руки на лбы отроков.

Даже нетерпеливая человечка, только сейчас заметившая еще двух пареньков, настороженно уточнила:

– А с этими что? Померли или приболели?

И только чуткое эльфийское ухо уловило продолжение вопроса «надеюсь, это не заразно».

– Они всего лишь отдали в поединке, обернувшись призывом, больше силы, чем следует для здоровья, Ася, – небрежно проронил, отвлекшись от созерцания себя неповторимого, Спящий Предок.

– Дрались, что ли? А зачем? – хмыкнула Ася, дожидаясь, пока ее отведут к незнакомой Гале.

– Они оспаривали в поединке право зваться искуснейшим творцом цветка, ибо творения их оказались воистину равны по изяществу, тонкости изысканного аромата и переливам цвета, – с достоинством пояснил вескую причину ритуальных разборок Эльмиавер.

– Два придурка подрались, выясняя, чей цветочек лучше? – неподдельно изумилась Ася и, покосившись на Спящего, протяжно выдохнула: – Походу, вы тут все что-то забористое курите. А не только рыжий нудист. Так, может, пускай на травке еще покемарят, а ты меня пока, дядя, своди к вашей Гале.

Эльмиавер поднял нечитаемый взгляд на походя оскорбившую достойных, пусть и юных, эльфов человечку, заодно вновь исказившую имя великой богини, покосился на Спящего Предка. И решился на месть. Хочет человечка унижения, пусть!

С неразумными детьми он поговорит после. Пусть восстановят силы. Навесив на пару спящих защитный полог «милость Леса», Эльмиавер укрыл их пледом из трав и поднялся:

– Пойдем.

– Ок, – шагнула ближе к эльфу Ася, пока тот продолжал:

– Если старший родич не против.

– И как мне об этом узнать? – удивилась девушка, взлохматив свои вопиюще короткие волосы странного коричневого оттенка. – Дядька-то там остался, дома.

Смартфонов тут точно нет. Или ты телеграмму отправить можешь?

– Я имел в виду твоего нового старшего родича, Ася, с которым вас связал ритуал, – пояснил начавший раздражаться Эльмиавер, снова указывая дланью на Спящего.

Вообще-то он ждал (почти предвкушал) возражений с его стороны. Поговаривали, что у Спящего Предка сложные отношения со Светозарной Гиаль. Впрочем, преданий о нежной дружбе с кем-либо иным до потомков не дошло, а учитывая долгий эльфийский век и феноменальную память, уже само это было знаковым показателем.

Невыносимый Спящий снова вывел из себя мудрого законника своим неожиданным решением:

– Против? Нет! Пошли, мне интересно!

И Эльмиавер смиренно повел парочку к ближайшему святилищу – лесному храму Светозарной. Лес охотно раскатал ковер тропы пред тремя путниками. Десяток-другой шагов и путь уже завершился, окончившись на поляне, окруженной вечноцветущими сивариями. Деревья источали восхитительный аромат и неустанно роняли на изумруды трав лепестки нежно-розового и небесно-голубого цвета. Лишь антрацитово-черные крайты, перемежавшие эту тонкую хрупкость воздушных переливов, вносили в гармонию поляны строгую ноту, напоминавшую явившимся к богине не только о ее милосердии, но и о твердости.

– Мы на месте, – надменно сообщил несведущей в божественных тонкостях человечке Эльмиавер.

– Ну да, миленькая полянка, не собор Василия Блаженного и не Парижская Богоматерь... – бормотнула себе под нос глупая человечка, не преисполнившись и толикой благоговейного восторга от созерцания истинного величия священного места.

Коротко вздохнув, Ася присмотрелась и уточнила:

– Как тут связь организована? Пришел и говори, или?..

– Если милостивый взор Светозарной Гиаль обратится на тебя, то того будет достаточно, – сухо проинформировал Эльмиавер, пока беспардонный Спящий Предок самым возмутительным образом принялся ощипывать с ветки ближайшей сиварии голубые цветки и закидывать их в рот.

– Он еще и травоядный, ск... – оборвав фразу на половине, качнула головой человечка и решительно промаршировала к центру поляны. Широко расставив ноги, она запрокинула голову к небу в переплетении цветущих ветвей и позвала, на сей раз назвав богиню верным именем:

– Гиаль! Уважаемая! Верните меня, пожалуйста, из вашего красивого леса в мой дом.

Ответом чужачке стал лишь шум листвы. Или это можно было трактовать как красноречивое молчание? Ася еще выждала несколько секунд для порядка, вдруг телеграммы отсюда до неизвестного «туда» доходят с опозданием. Но ничего не поменялось. На физиономии нудиста интерес сменился кислой скукой, надменно-вежливое выражение второго остроухого типа с гладким лицом юнца и глазами старика не изменилось. Разве что в этой надменной вежливости прибавилось высокомерное «я иного и не ждал».

Ася почувствовала себя загнанным в ловушку зверьком. Материться она не стала (дядя не одобрял). От безысходности сцепила зубы и саданула крепким кулачком по стволу ближайшего темного дерева.

Вполне живое, полное сил растение осыпалось от ее удара мелкой черной крошкой, та же участь постигла и все насаждения этой разновидности, произраставшие вокруг поляны. Рыжий нудист снова заметно оживился, у равнодушно-надменного остроухого типа (точно эльф сказочный из мультиков) отпала челюсть. Стало быть, то, что случилось, за рамки обыденного выходило.

Измельчение древесины сработало как тумблер связи. Величественный женский голос раздался с небес:

– Смертная... Уничтожила крайты. Хм... ты хочешь разорвать узы и отправиться домой... Я отправлю тебя к тем, кто в силах исполнить желание, если

заслужишь. Очисти мой лес.

На этом прямое включение завершилось. Ничего не понимающая Ася попробовала уточнить детали:

– Куда отправишь? Как заслужить? Чем очистить?

Но совершенное молчание было ей ответом. Его разрушил голос «старичка»:

– Миссия возложена на тебя, на левой руке явлен знак – браслет обета. Если справишься, Светозарная Гиаль снизойдет к твоей просьбе.

– Чего? – глупо лягнула Ася.

Пришлось Эльмиаверу приблизиться к странной человечке, ненароком умудрившейся породниться со Спящим, и аккуратно, стараясь не касаться ее руки, указать на знак богини – едва заметную на коже полоску браслета-обязательства. Девушка послушав палец. Попробовала стереть отпечаток божественной миссии и, разумеется, не преуспела.

– Если исполнишь возложенный гейс, браслет обретет цвет Гиаль, подавая знак, – объяснил само собой разумеющееся каждому жителю Великого Леса Эльмиавер.

– Ну как бы уяснила, не дура, была бы дура, не уяснила. А чего делать-то? – брови Аси встали домиком. – Еще по каким-то деревьям постучать?

Бедный советник, не в добрый час решивший выкупить жизни юных эльфов ритуалом призыва, содрогнулся при одной мысли о том, что может натворить в Великом Лесу растяпа-девушка, особенно растяпа, науськиваемая желающим поразвлечься Спящим. У того при словах о «постукивании по деревьям» в разуме явственно начали роиться возмутительные мысли о беспорядках и массовых разрушениях.

– Нет, дева. Мыслью я, Светозарная Гиаль распознала в тебе редкий дар – способность уничтожать след, чуждый Великому Лесу. Деревья край-ты (между прочим, до самого Эльмиавера это дошло только после откровений богини) были

насильственно посажены на поляне нашей богини неизвестными темными недругами, и лишь сила светлых сиварий сдерживала их скверну.

– Хм, – человечка призадумалась, снова взъерошила свои и без того пребывающие в безобразном беспорядке безобразно-темные волосы и уточнила:

– То есть в лесу есть еще какие-то неучтенные насаждения или другая пакость, кем-то подброшенная? И ваша Галя почему-то уверена, что я смогу ее разрушить, и хочет, чтобы я по ней постучала?

Сам Эльмиавер столь вульгарно задачу никогда бы не сформулировал, но в целом чужачка была права. Потому он ответил человеческой девушке коротким поклоном согласия.

Глава 2

Временный приют

Потому законник не стал вмешиваться и возражать, когда Спящий с радостным оскалом поддакнул «Воистину» и предложил, едва не подпрыгивая от нетерпения, как мальчишка, которого позвали на каток:

– Пошли уничтожать?

– С разбегу, – мрачно буркнула человечка. – У тебя глаз-рентген, видишь, чего тут надо под корень извести?

– Ты видишь, – указал на очевидное Спящий Предок.

– Я? Нет... или не особо, – нахмутив брови, ответила Ася.

– Ты истребила крайты, – повел плечами собеседник.

– И что? Не факт, что с остальным прокатит. И сколько времени займет. Что я буду есть все это время, где спать, во что одеваться? Я ж тут форменный бомж, – она методично принялась долбить аргументами.

– Кто такой бомж? – тут же влез с вопросом Спящий (увы-увы, уже совсем не Спящий) Предок.

– Бездомный и нищий, – буркнула Ася.

– Я позабочусь, коль невольно принял тебя в род, – небрежно отмахнулся от несущественных деталей собеседник. – Разбужу свое древо.

– Э? Это ты мне на ветке жить предлагаешь? Я не птица и не белка, гнезда вить не умею, в дупло не влезу. Не выйдет!

– Мое древо даст нам все, о чем ты просила, – походя пояснил Спящий, которому не терпелось, уладив все пустячные мелочи, перейти к забаве с задачей от Гиаль.

– Ну... допустим. Тебя, кстати, как зовут?

– Можешь звать меня Лихаэль, Асся, – представился «рыжий нудист».

– М-да, только личного Лиха Двуглазого мне не хватало для полного счастья, – обреченно вздохнула девушка и снова взлохматила свои стоящие дыбом волосы. – И повторяю, я АСЯ! Ну пошли, показывай, где кости бросить.

Спящий Предок, очевидно понимающий в странных речах человечки более Эльмиавера, благодаря стихийно возникшей при ритуале кровной связи, снова рассыпал завораживающий смешок.

Эльфийского законника заходить в гости не пригласили, но он вынужденно скользнул на тропу вслед за Лихаэлем и Асей. Оставлять этих двоих без присмотра ему не позволял священный долг перед Великим Лесом.

Гордо вскинутой головой Спящий Предок повел в сторону непроходимых зарослей, у которых они оказались втроем через несколько мгновений.

Эльмиавер даже чуточку позавидовал. Почему-то для него Лес никогда не распахивал путевую тропу с такой охотой и радостью. И это после веков верной службы.

Колючие заросли, к которым привел компанию Лихаэль, весьма напоминали зловещим видом те темные деревья, которые портили эстетику или жизнь Гиаль в святилище, разве что были не черного, а темно-зеленого цвета.

Переведя взгляд на колючки, Лихаэль прищурился и хлопнул в ладоши. Аплодисменты ни к чему не привели. Если только кусты гордо приосанились, довольные признанием их колючих заслуг? Но это утомленному бегом по тропам, волнениям и ритуалом Эльмиаверу могло показаться.

– И? – не поняла юмора Ася. – В колючих кустах и под ними я тоже жить не умею и не буду.

– Хм, – сказал Спящий Предок. – Слишком крепко спит.

Подошел ближе к живой ограде и провел ногтем по ладони наискось, получилось круче, чем ножом. Порез вышел знатный. Лихаэль собрал рубиновую влагу в горсть и бросил вперед. Та рассыпалась сверкающими алыми бусинами на кусты.

Кажется, кровь даже не успела долететь до зелени, ее втянуло со скоростью пылесоса. Чуть ли не с жадным чавком. Лихаэль снова хлопнул в ладоши. Причем левая уже успела исцелиться после членовредительства и ничем не отличалась внешне от правой.

Высокие кусты, казавшиеся неприступной стеной, зашевелились, как живые, и расступились, превращаясь в элегантную арку; колючки куда-то спрятались или вообще втянулись. Открылся вид на вполне пристойную широкую тропу. Густая, но короткая щетка изумрудно-зеленой травы тут, очевидно, служила вместо плитки, песка или гравия. А более высокая работала бордюром, через который, судя по шипам некоторых растений и слишком ярким цветам, соблазнительно покачивающим головками, переступить не рекомендовалось даже с точки зрения совершеннейшего профана в ботанике.

Короткая тропинка привела путников к... громадному дереву? Или дому? Или даже древо-дому или вовсе древо-дворцу. Вроде бы ствол имелся, густо-золотистого цвета с более темными прожилками, но имелись и окна, двери, ступени – в общем, все, что положено строению. С той лишь разницей, что это никто не строил, оно само выросло или вырастили? И это продолжало оставаться живым. Асе показалось, что, если приложить ухо и прислушаться, можно услышать шум соков, бегущих в гигантском стволе. Куда там бедолаге баобабу, в сравнении с этим деревом, гигант показался бы жалким лилипутом. «Домик» в ряды секвой, конечно, не рвался, но ему было куда стремиться и на кого равняться.

Ася вслед за Лихаэлем вошла в дверь, закрытую лишь живой шторкой – плотным зеленым плющом. Эльмиавер остался снаружи. Ему доступа в личные владения Спящий Предок не дал. Позабыл или не пожелал.

Внутри было светло, не пыльно и гораздо больше пространства, чем казалось снаружи. словно внутри небольшого дома как-то ухитрились утрамбовать не два или три, а не меньше десятка пространств аналогичных габаритов.

Один высокий холл с изумительной резьбой на настенных панелях был больше всего древа. Коврами внутри него служили не только тканые творения мастеров, но и травы нескольких разновидностей, и мох. Мебелью – и работы столяров, и ветви да корни древ. Ася на спор не стала бы даже пытаться отличить одно от другого. Слишком велик был риск ошибиться. Сочеталось все столь гармонично, что соседствовало или перетекало друг в друга незаметно для глаз самого внимательного зрителя. Лихаэль снова хлопнул в ладоши, и повеял легкий ветерок.

– Иди, духи дома тебя проводят в покои. Выберешь нужную одежду.

– А насчет еды? – насторожилась Ася.

– Листья съедобны, – рассиялся улыбкой Лихаэль, махнув в сторону не то статуи, не то куста в стене рядом.

– Я люблю мясо, – мрачно буркнула девушка.

– О! Тогда, человечка, я поймаю тебе оленя. Любишь парную печень или сердце? Или хочешь кровь из жилы? – принялся воодушевленно расспрашивать чудик.

Ася скрипнула зубами, закипая, и неожиданно поймала смеющиеся искры в переливчатых, как драгоценные камни, глазах этого невозможного типа с рыжими, нет, скорее ало-рыжими или вовсе закатного оттенка волосами. Он ее троллил! Натурально троллил!

– Эй ты, рыжий нежданный родственничек, если будешь меня подкалывать и дальше, станешь, как тезка, одноглазым.

– Тезка? Не знаю, расскажи! – не обиделся, увлекаясь новой информацией, тот, кого дедушка-эльф обзывал Спящий Предок.

– Персонаж наших сказок. Неопределенного пола, с феноменальным даром навлекать неприятности на других одним своим присутствием. Второго глаза у него или нет, или не видно из-под волос, а может, выбили за дурацкие шуточки, потому называется Лихо Одноглазое, – нехотя выдала информацию девушка.

– Хм, – приосанился Лихаэль, секунду поразмыслил и просиял, включая прожектор-улыбку: – Мне нравится, позволяю тебе обращаться ко мне Лихо, Ася!

Ася выдала только звучный фейспалм, пробормотала «ёкарный бабай» и потопала в неизвестном направлении, куда ее подталкивал незримый, но ощутимый ветерок.

Неодноглазый Лихо не соврал. Жилье он своей нечаянной родственнице предоставил. И даже не комнату, а целые апартаменты: спальню, ванную и то ли кабинет, то ли комнату отдыха, где диваны перетекали в кресла и сползали в ковер, а столики и светильники вырастали из пола и стен. Ванная тоже имела мало общего с традиционной человеческой. Деревянное абстрактное нечто в виде углубленной амебы, вырезанной прямо в полу, и умывальник-ручей. Как что тут регулируется, Ася пока даже изучать не стала, чтобы не застрять с экспериментами на пару или более часов.

Самой традиционной из комнат, разграничивающихся деревянными стенами-панелями и вездесущими живыми жалюзи, оказалась спальня. Овальное ложе с балдахином в виде перевернутой чаши цветка. Бело-серо-голубое, не режущее

глаз контрастами.

На этой кровати нашлись и несколько предметов туалета. В смысле какие-то невесомые не то платья, не то туники, не то ночные рубашки. Нижнего белья и штанов к ним не полагалось.

Ася выдохнула сквозь зубы и риторически уточнила у пространства:

– А куртки, брюки и трусы с лифчиком по здешнему фэншую не положены?

Пространство помолчало, но легкий ветерок, который привел ее в спальню, а затем стих, поднялся снова и мягко подтолкнул Асю от кровати к стенке. Руки сами уперлись в деревянную панель, и та отъехала, являя недра одежного шкафа. На полках и вешалках было все запрошенное. Очень похожее на то, что Ася обычно носила, но из иных материалов, напоминающих земные лишь отдаленно. Впрочем, она не заморачивалась – сменила испачканную в соке травы футболку на короткую серую тунику, затянула своим пояском, накинула сверху легкую куртку. Вроде и тепло в здешнем лесу, но ведь неизвестно, по каким зарослям придется блуждать. А куртку и снять недолго или на пояс повязать. Это проще, чем надеть то, чего нет при себе.

Когда Ася спустилась в холл, никого живого там не обнаружилось. Зато голос Лихаэля раздавался снаружи. Он пел. Без музыкального сопровождения, без зрителей, просто так. Даже без слов, только рулады, но почему-то Ася четко понимала смысл песни. Этот странный тип пел о красоте леса. А дедушка-эльф, который приперся с ними двумя, сидел прямо на траве и даже не слушал – внимал, и на физиономии его блуждала совершенно дебильная улыбка, как у нажравшегося алкаша или словившего приход наркомана.

Глава 3

...И они постучали!

– Эй, Лихо, как будем задание Гали выполнять? – позвала рыжего Ася, не особенно впечатленная вокальными упражнениями. Ну да, талантлив, зараза, но

никакие песни возвращение домой не приблизят.

Лихаэль завершил мелодичную трель и обернулся к девушке:

– Ты будешь искать. Не знаешь как – научишься. Дам подсказку! Вспоминай, почему стукнула по черному дереву, а не по любому другому.

– Оно чесалось, – пожав плечами, Ася выпалила дикий аргумент.

– Как? – не стал смеяться, лишь продолжил расспросы искренне заинтересованный Лихо.

– Под кожей, как мурашки, но внутри. Не больно, но неприятно, – попробовала пояснить девушка.

– Попробуй найти еще такие растения или вещи, от которых чешешься, – азартно предложил собеседник. – Куда хочешь пойти?

– На ту поляну, куда меня бросили. Там тоже чесалось, только слабее, чем около деревьев, – с некоторым сомнением в голосе протянула Ася и сделала шаг из тени дома к Лихаэлю. Может, он ее по-быстрому на место перенесет, как вчера сюда доставил?

Солнечный луч, упав на серую тунику, заиграл сотней мелких огоньков-жемчужинок, превращая скромный наряд в роскошное одеяние.

– Бесценное забытое алмазное плетение древних моар, – просипел Эльмиавер, вылупившись на «футболку» Аси.

– Почему забытое? – небрежно тряхнул головой Лихаэль. – Духи моего дома его помнят. – И, не вдаваясь в подробности, какие именно духи и как эту ткань вообще делают, уцепил Асю за запястье и потянул на себя.

Никакого предупреждения о начале движения Лихо не сделал. То ли нужным не посчитал, то ли нарочно поступил именно так, желая посмотреть, как Ася потеряет равновесие и куда-нибудь грохнется. Представление о забавном, как успела она понять за недолгое знакомство, у этого типа было своеобразным.

На ногах Аська устояла, хоть и покачнулась, даже хвататься за руку шутника для надежности не стала. И матом его не обложила. С Лихаэля стало бы тут же вытащить какой-нибудь свиток и попросить повторить ругательства на бис для их лучшего усвоения. Нет уж, развлекаться за свой счет Ася не позволит! Не на ту напал!

Однако пока Лихаэля куда больше интересовали поиски чего-то неизвестного, мешающего Гиаль, чем шутки над девушкой. Вышло бы походя – забавно, а нет, так и не стоит тратить время!

Эльмиавер снова последовал за Лихо и Асей и теперь топтался поодаль. Вернее, не топтался – не человек все-таки, – а изящно стоял в изысканной позе и с озабоченным выражением на прекрасном лице.

– Может, прежде чем чешущееся искать, ваших цветочных дуэлянтов отсюда уберем? – на всякий спросила Аська.

Эльф приподнял брови домиком и, резко обернувшись к парочке, укрытой цветочным ковром, как одеяльцем, нахмурился. Одним скачком он оказался рядом с эльфами. Склонившись к ним, заводил руками, точно целитель-гипнотизер.

Переливчато рассмеялся Лихаэль и прокомментировал:

– Не просыпаются! Должны были проснуться и уйти, а не просыпаются!

– Утомились в драке? – неуверенно предположила Ася.

– Их что-то держит во сне, мешает перейти от грез сновидений к жизни, – выдал трагическим шепотом диагноз Эльмиавер.

– А если их отсюда унести в другое место, проснутся? – спросила Покрышкина, весь опыт которой в борьбе с сонным эффектом неестественного происхождения ограничивался детской сказкой «Волшебник Изумрудного города» и волшебным маковым полем из этой повести.

– Не стоит, – посоветовал Лихаэль, тогда как эльф явно собирался последовать рекомендации человечки. – Они оплетены чарами грез, и, если их прервать, разум может навсегда оказаться в плену сновидений.

– Есть ли иной выход, первопредок? – в голосе Эльмиавера звучала мольба о помощи. Он даже заменил свое сакраментальное выражение «спящий предок» на иное, наверное, еще более уважительное.

– Поискать то, что чешется у Аси. Возможно, есть некая связь между состоянием этих детишек и ощущениями человечки. Давай, скажи, где то, что вызывает у тебя зуд?

Ася, впрочем, как и дедушка-эльф, не особенно поверила гипотезе Лихаэля, но собственной идеи насчет поиска у нее не было, потому пришлось принимать чужую. Она зажмурила один глаз, покачнулась с пятки на носок и ткнула в землю, чуть левее того места, где стояла:

– Вроде как оно там.

– Вроде? – въедливо уточнил Лихо.

– Вроде, – повторила Ася, – потому что еще там чешется и вот тут – указательный палец девушки ткнул в обозначенные места. – И чего, копать будем? А чем? У меня лопаты нет!

– Зачем лопата? – удивился Лихаэль и, ухватив свою спутницу за запястье, снова потащил ее вперед. Сначала к тому «левому» участку, который Ася указала первым.

– Ух ты, хм-мм, – как-то не по-хорошему заулыбался Лихо, не выпуская руки человечки. Он простер свободную ладонь над живописным травяным покровом и мягко, будто собирался забрать игрушку у капризного ребенка, потребовал:

– Отдай!

Что удивительно, его послушали. Трава расступилась, как вода. Прямо в пальцы призывающего влетела небольшая, с коробок спичек, призма – кристалл

странного черно-сиреневого цвета.

Лихаэль прямо сейчас ничего пояснять не стал, только хмыкнул, снова уцепил Асю за руку и потащил к следующему месту, на которое выпал кивок-указание девушки. Там процедура повторилась, и вторая призма прилетела в ладонь добытчика. Следом за ней та же участь постигла и третью.

– Какие занятные вещицы шар вечного сна составляют, – Лихо все-таки дал странную справку, небрежно принялся жонглировать тремя пирамидками.

Эльмиавер, который понял больше человеческой девушки, побледнел, как крахмальная простынка. Насладившись цветом лица эльфа, Лихо процедил:

– И настроено оно на меня, тянуло толику моей силы.

– Детей можно разбудить? – непослушными губами вымолвил законник.

– Проснутся сами, шара больше нет, – отмахнулся Лихо, ловя призмы все разом и небрежно сжимая их в кулаке так, что кристаллы превратились в порошок. – А вот кто и зачем его здесь оставил, дабы качели сновидений баюкали мои грезы вечно – интересная шарада.

Вроде бы вполне мирный голос Лихаэля показался Асе отдаленными раскатами грома перед грядущим великим ненастьем габаритов Всемирного Потопа. Пытаясь как-то разрядить обстановку или прояснить ее, девушка брякнула:

– Это кто ж тебе так хотел колыбельную сыграть? Как теперь-то разобраться?

– Сейчас! – Лихаэль поднес остатки порошка к лицу и втянул его в себя, как заправский токсикоман «звездную дорожку», постоял, покачиваясь, будто и впрямь поймал кайф, а потом хищно оскалился:

– Сандэвар оро Кэль. Привкус его силы. Наша беседа будет до-о-лгой...

– Не будет, первопредок, – вмешался Эльмивер, благоразумно проглотив словечко «спящий». – Мой прапрадед ступил на радугу, ведущую к далеким чертогам богов, почти четыре тысячи лет тому назад.

– Ого, долго ж ты спал, спящий красавец, – выпалила Ася, а Лихаэль скрежетнул зубами от ярости, оценивая продолжительность своего отдыха. – Чем же ты этому дедку так досадил? Плюнул в суп или растоптал любимую клумбу?

– Не припомню, – беспечно повел плечами Лихаэль.

– Твоя шутка, эй-ороль, расстроила помолвку Сандэвара оро Кэль и светлой оро Виаль, – напомнил первопредку законник истинную причину, не затерявшуюся за тысячелетия и не присыпанную прахом истории.

– Да? – чуть сдвинул брови в попытке вспомнить пока не одноглазый Лихо и легкомысленно признал: – Нет, не помню.

Кажется, такой вопиющий приступ склероза возмутил Эльмиавера до глубины души. Но в деталях напоминать Лихаэлю, что и как было в те стародавние времена, эльф почему-то не стал. Должно быть, в отличие от уже помершего дедушки Сандэвара, его несостоявшаяся половинка еще коптила леса и могла каким-то образом пострадать, вздумай пробудившийся предок отправиться к старушке для выяснения компрометирующих подробностей.

– Слушай, Лихо, у меня тут больше ничего не чешется. Мстить за твои грезы длиною в тысячелетия некому – обидчик двинул кони, так что пошли искать другие проблемные места. Раньше начнем, быстрее закончим. Я домой хочу, и дядька, небось, уже волнуется.

– Вряд ли, – беспечно бросил Лихаэль.

– Это еще почему? – насупилась Ася, подозревая, что ее хотят оскорбить. Дескать, такое ничтожество никому не нужно настолько, чтобы о нем волноваться.

– То место, откуда ты упала, человечка, – поискал подходящее объяснение невольный родственник, прижмурив яркие очи, – его время, оно было столь тягуче... Не загустевший мед, даже не смола, скорее, как нить паучьей пряжи гигантского арохора, которая начинает тянуться, лишь если приложить все силы. Там, в твоём мире, еще не прошло и сотой доли мгновения.

– О... а... – начала было что-то говорить Ася, а потом просто захлопнула рот. Как оно так происходит, она вряд ли сможет понять, так чего спрашивать, чтобы этот рыжий-закатный над ней начал в очередной раз прикалываться?

Размышления прервал звучный чих дуэтом. Завозились и синхронно сели в траве эльфийские драчуны-цветоводы.

– О, мальчики проспались! – оценила Ася. – Ща будут дедушке объяснять, зачем они подрались из-за цветочков и разбудили спящего предка.

– Ик, – синхронный чих сменился на столь же хоровую икоту длинноволосых (желтенького и беленького) юношей, пытавшихся выкарабкаться из заботливо прикрывшего их травяного одеяла. Получалось неважно. Может, к парочке не вернулась координация, или одеяло «мейд ин флора» не спешило выпускать приглянувшуюся добычу.

Лихаэль переливчато рассмеялся и то ли с настоящим, то ли с наигранным высокомерием патетично отвечивал:

– Тебе не понять, человечка, высоких эльфийский стремлений!

– Куда уж мне, убогой. У нас все больше юшку пускают из-за власти, денег или баб, куда реже из-за принципов. Но чтоб из-за цветов... Это только в исторических романах, и то по итогу все к деньгам, власти и бабам сводится, – огрызнулась Ася.

– У нас так же, – секунду подумав, запросто согласился Лихаэль, почти не обращая внимания на тарасившихся эльфы и дедушку-законника, выглядевшего возмутительно молодо для своей должности и бремени прожитых лет. – Но это же дети. У них свои игры.

– А, тогда конечно, – поддакнула Аська с энергичным кивком. – Дети по-всякому могут. Я раз видела – карапузики в песочнице сцепились из-за комка глины. Совочками друг дружку беспощадно лупили! Но им было годика по три. Эти, здешние, на вид чуть постарше будут.

Законник возмущенно вскинулся, но язык прикусил, чтобы не спровоцировать первопредка на какое-нибудь деяние, способное аукнуться всему лесу в тысячелетиях последствий.

– Эльфы иначе взрослеют, – наставительно пояснил Лихаэль.

– Но количество дури в голове у любого живого, будь то эльф или человек, обратно пропорционально времени и силам, потраченным окружающими на ее выбивание, – хихикнула Ася. И деловито пояснила: – Пороли деток маловато.

Лихаэль снова рассмеялся и, что удивительно, даже эльф-законник вынужденно согласно кивнул и посмотрел на наконец-то освободившуюся от травяного одеяла парочку так многообещающе, что стало ясно: «детки» обязательно получат всю порцию воспитательных люлей. Возможно, и даже, пожалуй, наверняка получат с лихвой. Возмущенные «малыши» попытались что-то вякнуть, но Эльмиавер положил тонкие пальцы им на предплечья, и из раскрытых ртов не донеслось ни звука.

– Пошли другие места искать? – снова предложила Ася первопредку, и тот, расплывшись в очередной ослепительной улыбке, взял новоиспеченную родственницу за руку и шагнул на мгновенно возникшую под стопой тропу.

Только убедившись, что Лихаэль воистину исчез, а не затаился где-то в ближайших кустах, законник отпустил аккуратно парализованных детишек. Разумеется, только затем, чтобы выслушать водопад упреков. Как же так! Им не дали достойно ответить ничтожной человечке на оскорбления, унижить ее, смыть обиду кровью обидчицы!

– Я не буду вести речей о разумности вашего поступка, пусть о том вам поведают родители. Скажу лишь, что пробудились вы от бесконечного сна под властью древних заклятий, опутавших сие место, лишь потому, что «ничтожная человечка» помогла первопредку – указала, где таятся скрытые опоры старинного плетения. Забытый ритуал связал их узами родства. Потому, дети, не спешите играть в обиды, дабы пробужденный предок не изволил выказать вам свое неудовольствие. Мы мало помним о его прежних деяниях, и сложно судить, какая доля из наших древних легенд достоверна, но ясно одно: ОН могущественен и опасен, и поступки его в рамки наших законов и правил не вписываются. Он сам себе закон и правило.

Глава 4

Призраки прошлого

Ася ни процесса, ни плодов воспитательной работы не застала. Она буквально бегом неслась за Лихаэлем, вцепившимся в ее запястье как клещ. И самым обидным было то, что сама она успела основательно запыхаться и начать спотыкаться, а этот рыжий, красный, закатный, пестрый эльф цвел аки роза и был совершенно свеж. Будто сидел в кресле, а не несся по тропе. Вернее, это она неслась, спотыкаясь, а он скользил, словно летел над травой. «Р-р-р-родственничек нежданный, нечаянный, окаянный!»

Когда Лихо (пока двуглазое, но такими темпами ей-богу ненадолго) остановился, Ася едва удержалась от искушения шлепнуться на траву и замереть на ней, раскинув конечности в позе морской звезды. Если бы не слишком темный – какой-то подозрительный! – цвет травы, точно бы упала. А так ничего, лишь, запаленно дыша, выпалила:

– Ты куда меня притащил?

– Еще не знаю, – беспечно ответил потенциальный самоубийца. – Я попросил Лес привести туда, где его что-то беспокоит.

– И?

– А теперь ты скажешь мне, есть ли здесь ощущение щекотки, – широко улыбнулся Лихо.

– Чешется только рука, жаждущая дать тебе по шее, фантазер, – буркнула Ася и, передернув плечами, дополнила: – Ничего не чешется так, как там, мне просто здесь не нравится. Очень. Вроде и нормально все, а все равно как-то не так, будто на начало ужастика попала.

– О-о-о... – кажется, в глазах Лихаэля включился прожектор.

Он, может, и не понимал дословно речей своей свежее испеченной родственницы, но смысл их, благодаря ритуалу, распознавал безупречно. И оглядываться по сторонам экзотический спутник Аси стал более внимательно, пытаясь первым обнаружить жутко интересную бяку. Увы, бяка на молчаливый призыв любителя экстрима отзываться и являться не спешила. То ли игнорировала Лихаэля, то ли имела личный график визитов и нарушать его даже ради такого умопомрачительного красавчика не собиралась.

Лихо недовольно скривил рот, потом пожал плечами и присел прямо на траву. Похлопал рядом, призывая Асю последовать своему примеру.

– Зачем? – спросила девушка.

– Лес говорит, оно происходит в сумерках и ночью.

– Точно ужасик, – передернула плечами Ася. – И тебе приспичило сыграть в нем главного героя. Только я не уверена, что тут предусмотрен обязательный хэппи-энд для всех.

– Ты под моей защитой, – упрекнул человечку в недоверии Лихо и обосновал с вопиющим эгоизмом причину такого «великодушного порыва»: – Мы с тобой только начали развлекаться.

Четко понимая, что утащить упрямца со зловещей поляны у нее не выйдет, Ася издала душераздирающий вздох, сделавший бы честь любому мастеру-привидению, и села-таки на траву рядом с Лихаэлем. Даже без скандала.

Пусть знакомы они были лишь несколько часов, но почему-то Ася понимала яснее ясного, что именно собой представляет этот легкомысленный на вид красавчик с волосами оттенка полыхающего заката. Может, так странный ритуал подневольного родства сказался? Истерику ее от попадания неизвестно куда и во что снял, добавил каких-то подсознательных знаний и чуток здорового пофигизма с нездоровой жилкой авантюризма. Всего этого Ася за собой не замечала, или замечала не столь ярко, как сейчас. С другой стороны, биться в припадке из-за чуждого окружения и неясных перспектив не тянуло, и то хлеб. За это Лихо и спасибо сказать можно, как-нибудь потом или мысленно. В панике бы она неизвестно что могла натворить и во что вляпаться.

Чтобы скоротать время до вечера, Ася поерзала на травке и спросила в лоб:

– А ты вообще кто? Тоже эльф, как все вокруг?

– Не похож? – хулигански прищурил глаз Лихо.

– Есть что-то общее: уши острые, разрез глаз; но все равно не похож, – прикинув так и эдак, выдала свою точку зрения Ася. – Структура лица другая.

– Мои сородичи стояли у истоков зарождения многих дивных рас. Мы сами выбирали, как желаем выглядеть, по каким законам жить, вернее, мы сами были правилом и законом для потомков. Мы были здесь до того, как боги стали покровительствовать тогда молодым перворожденным расам. Над нами не было богов. В разных мирах нас именовали по-разному. Здесь просто предтечами или первопредками, где-то древнейшими, но зачастую наши прозвания были столь мудрены, что их мы не старались даже запоминать.

– А предтечи ничего так, стильно, – одобрила землянка в стиле анекдота «наша лучше!». – Космической оперой, правда, отдает. Но это мои личные ассоциации. Ты мне еще вот что скажи – где-нибудь в лесу твои спящие родственники имеются?

– Я не чувствую никого, за исключением тебя, на многие миры окрест.

– Все перемерли или далеко ушли? – продолжила уточнять собеседница, прощупывая почву вероятных неприятностей.

– Не ведаю, – с совершеннейшим равнодушием к судьбе сородичей поведал Лихаэль. И в ответ на откровенное непонимание своей позиции чуть расширил рамки пояснения: – Мы были и есть слишком разные, иначе не дали бы начала стольким расам, отличным по образу мыслей, нравам, желаниям. Мы невообразимо разнились даже внешне. Потому, вероятно, мы едва могли терпеть друг друга и не испытывали желания общаться. Возможно, мы начали творить иные живые создания только затем, что желали компании отличной от своих сородичей.

– Странная мотивация, – почесала лоб Ася. – Ну ладно, я поняла. Ты своих родственничков тысячи лет не видал и еще столько же рад не встречаться.

– Воистину, – согласился Лихо, задумчиво присовокупив: – И тебе того не советую, если здоровье душевное и телесное сохранить желаешь.

– Да я с тобой одним рехнусь, без дополнительной нагрузки из стаи незнакомых товарищей, – фыркнула Ася и поежилась. – Что-то холодает, а?

– Нет, – улыбнулся с каким-то предвкушением Лихаэль и уставился в самое темное сплетение ветвей на краю северной части поляны.

Там Ася, последовавшая его примеру, поначалу ничего, за исключением темных веток, разглядеть не смогла. Поначалу.

А потом наметился бледный полупрозрачный контур чего-то колышущегося, словно занавеска под ветерком. Следом проступили контуры фигуры. Тоже прозрачные. Вот только пол ее определению не поддавался. Длинные волосы, как успела наглядно убедиться Ася, тут и мужчины носили. Вряд ли здешние остроухие женщины в пикку сильному полу щеголяли с короткой стрижкой или полировали лысины.

Пока она приглядывалась, колышущееся нечто отделилось от деревьев и кустиков и неспешно полетело, пересекая полянку. Стало еще холоднее, к ощутимому понижению температуры, заставившему Асю инстинктивно прижаться к теплему, почти горячему Лихаэлю, добавился заунывный аккомпанемент – стоны и вздохи на одной, тошнотворной до зубовного скрежета ноте – родственнице циркулярной пилы:

– Где ты, возлюбленный? Почему ты покинул меня? Почему предал? Почему-у-у-у-о-о-у-у?

От этого концерта проняло даже Лихаэля. Причем до такой степени, что он как-то хитро переплел пальцы левой руки и разом оборвал все звуки. Призрак по-прежнему по беспорядочной траектории, будто слямзенной у лекала, скрещенного с петлей Мёбиуса, летал туда-сюда по полянке, вымораживая окрестности, но разевал рот беззвучно.

Асе заметно полегчало, и она с новым интересом уставилась на немой фильм в 4D. При очередном пролете в непосредственной близости от нее Покрышкина разглядела-таки призрак детально и в некотором недоумении выпалила, воспользовавшись еще одним любимым ругательством дяди, которое тот озвучивал, чтобы у малолетней племянки уши не вяли от мужицкой брани:

– Блин-оладья! Это ж парень!

– И? – не понял недоумения Лихаэль, продолжая отслеживать метания призрака с какими-то неведомыми целями.

– Стонет про возлюбленного, – пояснила причину своего удивления Ася.

– И? – снова не уловил причин недоумения Лихо.

– У нас такие отношения называют нетрадиционными и не афишируются, – чуть-чуть смутилась Покрышкина.

– А-а, бывает, – беспечно кивнул собеседник, получив ответ на свой вопрос, и снизошел до пояснений своего спокойного отношения: – У эльфов, как и многих долгоживущих рас, всякое случается и не осуждается. Этому, похоже, с выбором не повезло. Но почему он тут витает? Занятно! Я не чувствую смертного отпечатка, нет и останков.

– Может, опять какой-нибудь камешек зарыли? – беспечно предположила Ася и пожаловалась: – И вообще, я есть хочу. Ты мне мясо обещал!

– Камень? – проигнорировав напоминание о белковой пище, вскочил на ноги Лихаэль с видом гончей, взявшей лисий след. – Ну-ка!

Совершенно не обращая внимания на беззвучно завывающего призрачного влюбленного, первопредок принялся нарезать по поляне свои собственные круги. Хотя они тоже кругами именоваться никак не могли, больше походили на геометрические фигуры неопределённой конфигурации. Прошло несколько минут, в течение которых увлекшийся Лихаэль умудрился раза три насквозь пройти призрак без всякого вреда для себя и без всякой реакции на такое оскорбительное поведение со стороны заднеприводного привидения. Резко

прекратил свой забег Лихо у кустов и деревьев в том самом углу, где изначально явился призрак. Он почти прилип к широкому стволу одного из деревьев, сунул руку куда-то в глубь коры (дупла не было!) и с довольным возгласом вытащил прямо из древесины белесый камешек.

– Это чего? – вяло поинтересовалась Ася и получила наглядный ответ практически мгновенно. Лихо сжал камешек в кулаке, превращая его в пыль, и поднадоевший призрак, запнувшись на полувздохе-полустоне, испарился с полянки. Вместе с ним растаял и иней на траве. Сразу стало теплее.

– Это памятка, – беспечно откликнулся Лихаэль.

– Не андестенд, – мотнула головой Ася.

– Кто-то собрал с места последнего проявления призрака образ проявления и перенес сюда, – конкретизировал собеседник.

– А на фига было потеть? – удивилась Ася. – Прикола ради, или какая-то ценная мысль имелась?

– Причина... – подхватил озвученную мысль не-эльф и, резко развернувшись, сунул руку все в то же дерево, откуда вытащил уничтоженный камень. Порывшись в стволе, как в ящике собственного стола, Лихо вытащил какой-то резной ларец в две ладони в обхвате. Покрутил его, хмыкнул почти разочарованно и распорядился:

– Пойдем, ты есть хотела.

– Хотела, – согласилась Ася.

И пусть узнать, что именно такое лежало в найденной ухоронке, ей было любопытно, но, во-первых, есть уже хотелось больше, чем знать, во-вторых, нашел ларчик Лихаэль, потому права требовать ответов на вопрос она не имела, и в-третьих, уже сообразив, как любит эффектный красавец всякие интересные штучки, Ася была почти уверена: сам он в ларчик залезет непременно, а уж потом и перед ней находкой похвастается.

В руку ее Лихаэль вцепился уже почти привычно, скорее всего, даже не придавая значения интенсивности своего нажима.

Больно, конечно, зато не пришлось долго бродить по лесу. Возвращение заняло считанные секунды и пяток шагов. И вот уже они встали перед изящными дверями в пробудившийся вместе с возвращением владельца дом-древо или древо-дом. Как правильно, наверное, вообще древо-дворец, Ася не знала, да и не особенно желала знать.

Глава 5

В гостях у владыки (с подарками)

Войдя в дом, Лихаэль лишь бросил в воздух:

– Ужин с мясом!

И провел Асю, робко поблагодарившую реальность за отсутствие сырого оленя и пенного кубка с горячей кровью из жилы, в большую комнату с уже накрытым столом.

– Эй, а руки где можно помыть? – уточнила девушка у спины своего спутника.

– Ты испачкалась? – удивился Лихаэль, даже соизволив обернуться к вопрошающей. Окинул ее беглым взглядом при свете ламп-цветков, оплетающих стены и потолок. Не найдя внешних признаков грязи, Лихо повел плечом.

– Привычка, – выбрала самое простое объяснение Ася и отправилась приводить себя в порядок.

Читать лекцию о гигиене и микробах ни до, ни тем паче вместо ужина было совершенно неохота. Кроме деревянной ванны в полу, санузел был еще укомплектован выступом, в ложе которого, чуть выше уровня талии, струился прямо из одной стены до другой ручеек. Он вытекал из живого цветка-раковины, и это уже даже не вызывало удивления. Так же, как и выращенная рядом чаша с

жидким мылом. Руки можно вымыть и ладно, остальное потом изучим, а пока за стол и кушать.

Откуда незримые помощники взяли мясо, из которого приготовили еду, Ася тоже уточнять не стала. Так же, как и то, бегало оно до этого, летало или плавало. А то с Лихо случилось бы нарочно выдумать какую-нибудь несусветную фиговину и насмерть испортить сотрапезнице аппетит. Не из злобы, а исключительно забавы для. Предлагал же он ей лопать сырое мясо, зараза!

Пакостный характер чудесного родственника за недолгий период знакомства уже был продемонстрирован во всей красе. И самое худшее, что Ася готова была поклясться – как таковую пакостность и прочие дурные стороны нрава первопредок даже еще не начинал демонстрировать. Просто таким уж сокровищем уродился.

Потому Покрышкина решила первым делом поесть, пока не приключился очередной, отбивающий аппетит, форс-мажор. А на то, что он гарантированно приключится, Ася готова была спорить с кем угодно на что угодно.

Конечно, было жуть как любопытно узнать, что там в шкатулке из дерева, но с вопросами попаданка не спешила. По озвученным выше причинам.

Вторая порция чего-то мясного с пюре оттенков безумия Сальвадора Дали успела отправиться в желудок прежде, чем снаружи раздался мелодичный перезвон. Лихо, скорее художественно раскладывающий пищу по тарелке, чем отправляющий в рот, оживился.

– Гость! – почти промурлыкал Лихо.

– Мир его праху, – пробормотала себе под нос Ася, торопливо дожевывая свою порцию и запивая искристо-изумрудным, точно тархун, соком.

Сильный голод она утолила, да и в сон уже начинало клонить, но побороться с сонливостью и поглазеть на самоубийцу, явившегося на порог к Лихаэлю, хотелось сильнее, чем в кровать.

За дверью, спутанный по колено низенькой во всех иных местах газонной травкой, стоял все тот же Эльмиавер.

«Может, он мазохист? – всерьез задумалась Ася, изучая какое-то обреченное лицо эльфа, в очередной раз явившегося перед светлые очи древнейшего. – Или ему все до смерти надоело и в самоубийцы записаться хочет? Выглядеть молодо и быть молодым душой – две большие разницы. Как там у Лермонтова: „И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели, как пир на празднике чужом...“»

– Владыка Леса Гиэльрэн аро Каэер приглашает пробудившегося первопредка в свои чертоги в желаемый эй-оролю Лихаэлю миг, – приняв позу высшего почтения, что выглядело весьма нелепо вкупе со спутанными травой ногами, промолвив Эльмиавер. Он продолжал, наряду с именем собственным, вежливо величать пробудившееся «лихо» эй-оролем, то есть «высоким лордом лесных просторов». Вопрос, кто из двоих – нынешний эльфийский монарх или все тот же Лихаэль – знатнее, то бишь выше лордством, был весьма щекотлив, и лучше всего его было вообще не поднимать во избежание недоразумений.

Потому и отправили после доклада о приключившемся «счастье» к Лихаэлю именно законника Эльмиавера, и отправили в одиночку. Вроде как приглашение передавалось не формальное, потому порядок сопровождения, свита и прочие щекотливые моменты обходились по широкой дуге. Во избежание, так сказать.

Ну а если с приглашением не получится, что ж, ошибка вышла. Придется на освободившееся место знатока законов подходящую кандидатуру подыскивать и тяжкую думу думать. Эх, не могли детки более удачное место для игрушек сыскать?!

– В гости зовет? – заинтересовался Лихаэль, у которого, в отличие от Аси, ни крупинки усталости или сонливости не наблюдалось вовсе (отдохнул, зараза, за тысячелетия сна и сил набрался с запасом). – Почему бы и нет! Пошли!

Лихаэль буквально светился энтузиазмом.

– Хоть к пчелам в улей, лишь бы только в коллектив, – пробормотала под нос Ася.

Она почти понадеялась, что чумовой родственничек сейчас цапнет за руку беднягу-законника и умотает с ним крутить хвосты куда-нибудь в светлую даль

эльфийскому владыке и его присным.

Не тут-то было! Эльфа за руку-то цапнули, но вторая верхняя конечность у предтечи имелась в наличии и оказалась свободной. Впрочем, ненадолго. Ее тут же заняли запястьем Аси и в очередной раз дернули.

– И зачем ты меня-то поволок? Ни шагу без няни? – прошипела Ася на ухо Лихаэлю.

– Так веселее, – беспечно оправдался пока не одноглазый тип, с каждой своей выходкой приближаясь к соответствию с мифическим образом русских сказок.

– Веселее тебе? – буркнула Ася, ежась от удивленных взглядов эльфийской знати (красавчики и красавицы как на подбор), тусовавшей в приемном зале, куда Лихо, недолго думая, провел ее и Эльмиавера. Торжественная растительная роскошь помещения, впрочем, брала только размерами, насчет прочего «скромный домишко» у первопредка был, пожалуй, покруче.

– Да, – согласился непробиваемый родственничек.

– А подарок монарху в честь знакомства ты прихватил? – не удержалась от шпильки девушка.

– Подарок? – на долю секунды задумался Лихаэль и довольно подтвердил: – Прихватил.

Пока древнейший разглядывал «предбанник» двора эльфийского владыки, а Эльмиавер ускользнул вперед для доклада, Асю тоже соизволили заметить. Какая-то расфуфыренная эльфийка, на прекрасном лице коей навеки застыло выражение «дама, унюхавшая навоз», мелодично прозвенела:

– Человечка? В какие бездны падает Светлый Лес? Кто допустил сюда животное?

– И не говори. Намордник сняли, с поводка спустили, а вдруг укусит? Хорошо еще, пока лишь тявкает, – не осталась в долгу перед снобкой и явной расисткой Ася.

Закончила свой маленький спич она под залиvistый хохот Лихаэля, уже насмотревшегося на все прелести дворца и вернувшегося к родственнице.

– Хочешь, я сделаю из нее багряный закат? – благородно предложил первопредок, кивком указывая на онемевшую от людской наглости эльфийку.

– Это как? – не поняла Ася.

– Показать? – с энтузиазмом уточнил Лихо.

Что-то в выражении его добрых глаз и столь же ласковой улыбке подсказало даже не насобачившейся в толковании двусмысленностей землянке, что «кровавый закат» не ограничится издевательским опрокидыванием на голову заносчивой особы банки с томатным соком. На всякий случай Ася осторожно уточнила:

– Ты ее убить, что ли, предлагаешь?

Нежно-розовая эльфийка стала в секунду белой, как крахмальная простынка, пошатнулась и нервно сглотнула.

– Фу, – почти обиделся Лихо, притопнув ногой. – Красивый багряный закат – это истинное искусство. Правильно снять кожу, останавливая кровь так, чтобы свежее мясо и кровь играло нужными красками, способен лишь истинный творец и художник!

– Понятно, опять всякие гадости красивым словом прикрыли. Меняются миры и времена, но суть маскировки не меняется, – согласилась Ася в почти абсолютной, звенящей тишине, наступившей в зале дворца. До местной публички, как анекдот до жирафа, дошло, кто именно изволил пожаловать с визитом, и чем это может кончиться – тоже. – Не надо мне закатов, и рассветов тоже не надо. Она вон замолчала, пусть и дальше в тряпочку молчит.

– Хорошо, устрою закат в другой раз, а пока пусть будет так, как ты хочешь, – оптимистично согласился Лихаэль и махнул рукой.

Рот на лице прекрасной девы будто стерли.

– Хм, а как она есть теперь будет? – озадачилась попаданка.

– Зачем? – не понял Лихо.

– Она ж с голоду и от жажды помрет, надо было хоть дырочку оставить, – ляпнула Ася, не зная уже, куда деваться от фантазий креативного первопредка.

– Ла-а-адно, – поморщился Лихаэль и тут же засиял снова, озаренный очередной посетившей его идеей. – Тогда так!

Первопредок наставил на расистку палец и как-то хитро его изогнул. Рот на лицо эльфийки вернулся, вот только из него полилась не речь, а мелодичная птичья трель.

– Доброта из тебя так и прет, так и прет... – прокомментировала Покрышкина, устав уже опасаться новоявленного родственничка и всего лишь пытаясь чуток минимизировать его творческие садистские порывы. Все дело было в том, что злодеем-садистом Лихо не был, он оказался просто совершенно иным. Сорванная или установленная под немыслимым углом в стародавние времена крыша давала столь непредсказуемый эффект, что догадаться о планах Лихаэля бедная попаданка даже не надеялась. С первопредком было, как с порывистым ветром ураганной силы: вот он дует в одну сторону, а в следующую секунду уже в другую, а то и вообще стих, чтобы через пяток секунд облагодетельствовать своим присутствием противоположное направление. Причем не факт, что направление окажется из списка стандартной розы ветров. С древнейшего станется «задуть» снизу (из-под земли) или сверху (да хоть из космоса или иных миров).

Невозможный тип только довольно усмехнулся, принимая комплимент, и поторопил вернувшегося с доклада из Зала Владыки Эльмиавера:

– Веди уже, а то я немного заскучал.

Законник едва заметно вздрогнул, наверное, в красках представил, что может сотворить пробудившийся первопредок в скучающем состоянии для развлечения себя любимого. Ася даже чуток посочувствовала старичку-эльфу. Прущая бульдозером и бьющая гаечным ключом инициатива вкупе с безграничной фантазией Лихаэля пугала не по-детски.

А в тронном зале дворца было пусто, не считая фигуры на высоком сиденье в обрамлении причудливо о-очень эстетично изогнутых ветвей живого дерева.

– Тот, кто внимает Великому Лесу! Наш Владыка Гиэльрэн аро Каэер рад встрече с тобой, эй-ороль, – озвучил странную фразу Эльмиавер и сразу получил ответочку от предтечи:

– Наш? Ну, твой, положим, соглашусь, – раздумчиво поправил Лихаэль и танцующим шагом направился к царственному кусту.

А Ася оценила застывшее совершенство эльфийской физиономии Владыки и едва не хихикнула, когда краем глаза заметила неуловимое дрожание рук местного правителя. Кажется, Гиэльрэн банально опасался двинутого на всю голову Лиха, однако ж на встречу пригласил. Наверное, пытался исповедовать принцип: «Держи друзей близко, а врагов еще ближе». Вряд ли древнейшего вот прямо сразу можно было записать во враги короны, но, с другой стороны, в какую категорию поместить непредсказуемых первопредков, Ася не знала, и народная мудрость об этом тоже умалчивала.

– Шума листвы, сияния древ, цветения и плодов, – проронил Лихо, очевидно сказав таким хитровывернутым образом эльфийское «здравствуйте» признанному большинством легитимному правителю.

– Благодатного солнца и ярких звезд! – мелодичный голос Владыки выдал древнее приветствие-обращение к эй-оролю. И Лихо, расплывшись в проказливой улыбке, вытащил из ниоткуда шкатулку. Ту самую, которую совсем недавно достал из ствола на полянке с привидением без мотора с отключаемым звуком.

Щелкнула крышка, являя любопытствующей Аське (она даже на цыпочки привстала) внутреннее содержимое: какой-то тонкий серебристый ободок и цепочку с большим зеленым камнем. Последний так искрился на свету, будто обладал встроенной подсветкой.

«Стало быть, в дереве чья-то заначка была или клад», – предположила Покрышкина и удивилась тому, какими большими, ну о-очень большими, стали глаза у Владыки Леса и Эльмиавера.

– Утраченные реликвии рода Владык Орэо! – задушенно просипел законник.

Гиэльрэн сошел с ветвистого трона и обреченно прикрыл веки.

– Не-не-не, – практически отшатнулся от пораженных эльфов Лихо, кажется, почти испугавшись. – Даже не думай, я во Владык и Властелинов давно наигрался. Скучное занятие! Сам-сам!

– А? – царственный эльф издал беспомощное мяуканье.

– А это тебе подарок. Хочешь, переплавь, хочешь, носи, – отрезал Лихо и практически насильно всунул шкатулку в руки Гиэльрэна.

– По какой причине тема-то всплыла? – попыталась уловить Ася, подергав рукав Лихаэля. Спрашивать у эльфийского правителя или у Эльмиавера, перманентно пребывающего при встрече с Лихо на грани сердечного приступа, Ася не рискнула.

– А... пустяк, – беспечно отмахнулся первопредок. – Ты же сама хотела, чтобы я пришел с подарком. Мы подарили реликвии предшествующего рода Владык.

– Это их ты в дереве нашел на призрачной поляне? – уточнила девушка и, получив кривую ухмылочку-согласие Лихо, удивленно присвистнула: – Как они туда угодили-то?

– Месть, ревность, обида... – пожал плечами предтеча, показывая, что такие банальности ему давно приелись и совсем не любопытны.

– Накануне передачи древесного трона Владыки Кильмона аро Орэо сыну своему, принцу Гифрадору и его избраннице деве Лиодэль случилось небывалое. Реликвии власти исчезли из дворца вместе со священным ларцом, – отмер и разродился более детальной информацией памятный на детали прошлого законник.

– О, ясно, – зевнул Лихаэль, сопоставив имеющиеся данные со сведениями, полученными на полянке с призраком и считанными с камешка-привязки слепка привидения, и скучаяще пояснил Асе: – Отвергнутый возлюбленный принца

покончил с собой, его мать, судя по памяти-касанию, горя жаждой мести, похитила реликвии и сделала слепок призрачного образа сына стражем регалий.

– У вас что, свободный доступ к ценностям был? Приходи, кто хочет, бери, что пожелаешь? – удивилась Ася отсутствию элементарной охраны важного государственного достояния. – Ни стражи, ни сигнализации?

– Реликвии охранялись, – скорбно вздохнул законник, – но тревога поднялась бы лишь в том случае, если бы их коснулась длань того, кто не числится членом рода Орэо.

– Ха, а рассерженная мамочка-мститель стибрила побрякушки вместе с тарой и магичила, не вынимая из емкости хранения, – догадливо хмыкнула Ася. – И что дальше было?

– Реликвии не сыскали за отведенный на поиски срок. Сквозь призрачную вуаль не зрят очи магов и неуловимы нити, связующие владык с венцом и браслетом. Божественное вмешательство так же под запретом. Месть оказалась жестокой! Произошла смена династии, – тихо закончил законник и летописец Эльмиавер. – Без способности обладать и удержать священные реликвии нет права на титул Владыки Леса. Кильмон уступил трон иному роду, чей венец был почти столь же древен.

– А почему в итоге-то потом ящичек не нашли? Местечко с привидением приметное, даже у меня там мурашки по коже табунами бегали.

– Эльфы инстинктивно сторонятся мест, отмеченных нехорошей смертью, – ответил законник.

– Короче, на той полянке вы ничего не искали и вообще туда не совались, – подвела итог Ася и любопытствовала, мимолетно удивляясь эдакому ритуальному пинг-понгу эльфов: – Теперь-то, когда реликвии нашлись и Лихо править отказался, опять у вас власть поменяется?

– Хвала Светозарной Гиаль, нет, – восславил богиню законник, коснувшись руками груди. (Может, потому и славил, что, в отличие от Лихо, она в дела эльфов свой нос не совала и всякие провокационные реликвии не находила?) Вознеся хвалу, Эльмиавер почли деловито пояснил: – Род Орэо и Каэер слились

во владыке Гиэльэрне. Союз его родителей соединил две старинные ветви достойнейших древ.

– Повезло, значит. Чего ж тогда на Лихаэля пытались корону повесить, если свой кандидат имеется?

– По древности рода, по праву нашедшего утраченное, по... – начал педантично перечислять Эльмиавер и, кажется, собрался процитировать десяток-другой просто важных и очень важных статей закона.

Ася быстро обломала знатоку всю малину, резюмировав:

– Короче, он нашел – ему и предложили.

От вульгарной краткости речей человечки поморщился владетельный эльф, прислушивающийся к разговору. Он не вмешивался в него явно, то ли потому, что по этикету неуместно правителю запросто трындеть с прочей публикой, то ли потому, что не знал, как ему – самой большой шишке в лесу – обращаться с тем, кто вообще не шишка, а самое большое дерево. И уже шишке неуместно разевать рот на лесного гиганта, даже если тот притворяется каким-то листиком или цветочком, или вовсе поганкой. Да, кстати, если бы Лихо был грибом, то точно галлюциногенной поганкой! Один кусочек – и жесткий приход гарантирован, в отличие от выхода!

Наконец что-то решив для себя, Владыка Гиэльэрэн промолвил, вновь встав с древесного трона и простирая руки к пробужденному первопредку:

– Эй-ороль Лихаэль, Лес признателен за возвращение сокрытых реликвий! Они – часть нашей общей истории, часть памяти и силы Владык. Неправильным было бы вечное сокрытие их под стражей призрака.

Может, Владыка распинался бы еще с полчаса, но выразительный зевочка человечки пошло оборвал вдохновенный полет царственной мысли. А что вы хотели? Ася привыкла ложиться не позже одиннадцати, а тут уже точно за полночь было. Пора в постель! Это эльфы все поголовно то ли совы, то ли аритмики, или вообще какие-нибудь уникамы по три часа в сутки спящие. Ей же, обычной человеческой девушке, не меньше семи часов для отдыха надо, чтоб на людей не кидаться и быть в меру доброй и пушистой. Чрезмерная же доброта

вообще не рекомендуется, а то всякие эгоисты на шею сядут и ноги свесят.

– Лихо, я спать хочу, – тихо оповестила о проблеме спутника и новоявленного родственника Ася. – Пойдем домой?

– Уже? Мы же еще не повеселились?! – скроил недовольную гримасу Лихаэль.

– Меня отведи, а сам развлекайся, сколько хочешь, – ответила зевающая Ася, которой уже, честно сказать, было наплевать на все «закаты и рассветы», которые вздумает устроить с местной публикой древнейший. – Или тоже отдохни.

– М-да? – склонил голову набок первопредок, оценив ширину очередного зевка слабой человечки.

– Ага! Завтра будет другой день! – заверила чумового первопредка Покрышкина, используя знаменитое присловье Скарлетт О’Хара. – И ты снова кого-нибудь хорошенько напугаешь, затащишь меня в очередные дебри или вляпаешься еще в какое-нибудь развлечение.

– Хорошо, – смиловился Лихаэль. Нет, вряд ли, конечно, пожалел Асю, скорее, понял, что с такой сонной тетерей ему никакой забавы вообще не светит, а без нее развлекаться неохота. Потому снисходительно разрешил: – Идем.

И прямо в зале приема, не сказав местному Владыке даже «пока», не то что вежливого «до свидания» или какого-нибудь цветистого уважительного прощания на пару-тройку фраз из жизни звезд и растений, дернул Асю за руку. Открылась эльфийская тропа. Своему блатному любимчику Лес дал зеленый даже не свет, а целый коридор. Разом переместил к порогу дома-древа.

Впрочем, и Асе на весь эльфийский этикет и мнение всяких остроухих насчет ухода «по-английски» от самого Владыки было уже совершенно по... Освободив многострадальное запястье, она почти на ощупь (очень уж глаза слипались, будто песка в них сыпанули) побрела к своей спальне. Сил заглянуть в ванную у нее еще хватило, а потом, едва голова соприкоснулась с длинной, на всю кровать, подушкой, попаданка отключилась.

Глава 6

Побудка а-ля Лихо и монстр из чащи

Утро началось в розовых предрассветных сумерках. С Аси самым наглым образом сдернули тонкое одеяло и бесцеремонно пощекотали пятку.

Она дернулась и инстинктивно попыталась отползти, нащупывая исчезнувшее одеяло. Не тут-то было! Щекотать ее прекратили, зато дернули за щиколотку и отвратительно бодрым голосом объявили:

– Хватит спать! Утро!

– Где? – не поверила Ася, с трудом продрав глаза.

Лихо, свежий, бодрый и прекрасный (сволочь!), ткнул пальцем в окно.

– Это еще ночь! – постановила человечка и снова смежила веки.

– Солнце встает! Мне скучно! – закапризничал Лихаэль.

– Книжку почитай или веночек сплети, – сонно пробормотала Ася и снова уплыла в страну грез.

Из этого дивного места ее выдернули спустя жалких полчаса, шмякнув на голову что-то пахучее и травянистое.

– На! – заорал Лихаэль.

– Чего? – снова с трудом открыв веки, Ася села на кровати и стащила с головы... блин-оладья! – веночек, сплетенный из множества ярких цветов, названия которых даже не ведала. Другой веночек украшал голову Лихаэля. Оба были восхитительно совершенны так, словно их ваял мастер-ювелир, а не сплел на скорую руку, чтобы чем-то себя занять, безумный первопредок.

– Красиво, – честно похвалила работу Лихо Аська с очередным зевком. – Жаль, завянут.

– С чего бы? – удивился древнейший.

– Ну... цветы... сорванные, – пробормотала по-паданка, не зная, как попроще донести до чокнутого простую ботаническую закономерность: «нет корешка в земле – цветику хана».

– Мои венки не вянут, – фыркнул самодовольный красавчик, плевать хотевший на законы природы, и потребовал: – Вставай, мне скучно!

– Ладно, – со стоном согласилась Ася, понимая, что вытурить Лихо еще раз из спальни предложением поиграть, скажем, в прятки-салки с каким-нибудь занудным Эльмиавером или самим эльфийским Владыкой не получится. Этих двоих древнейший уже записал в разряд неинтересных. – Сейчас умоюсь и пойдем позавтракаем.

– Ты ОПЯТЬ хочешь есть? – возопил совершенно не спящий первопредок так, словно бы Ася жевала всю ночь напролет.

– Не опять, а снова. Люди едят не меньше трех раз в день, – пробормотала Ася по дороге в ванную, возложив мимоходом венки на свободный столик.

– Сколько?! – яро возмутился столь зряшному переводу времени монстр неодноглазый. – Ты почти все время будешь есть или спать?

– А тебе ни пищи, ни сна не нужно? Ты чего, солнечной энергией питаешься и так за тысячи лет сна выдохся, что сейчас глаз сомкнуть не можешь? – огрызнулась Ася, плеская воду из домашнего ручейка на лицо.

– Ну да, – запросто согласился Лихаэль. – Спать не хочу, ем, когда и что интересно.

И Асе осталось только вздохнуть. А чего она хотела от этого дивного, точно картинка из анимэ, создания? Он же явно человеком не был, даже не пытался им быть или казаться. Красивый и совершенно чуждый. По воле какого-то

дурацкого случая их – обычную земную девчонку и древнего монстра – свело и связало вместе.

Хотя что толку сетовать и возмущаться? Развлекаясь, это чудовище делало именно то, что было нужно Асе – повышало ее шансы вернуться домой после исполнения договора с некой светозарной богиней.

Да, Лихаэль все эти неполные сутки с оглушающим энтузиазмом волок за собой человечку буквально силой, но волок туда, куда следует. Обращение такое, конечно, подбешивало, но сама бы Ася вряд ли смогла сделать столько, сколько успел деятельный Лихо, выплескивающий вокруг себя и на всех оказавшихся рядом и не успевших вовремя смыться бедолаг буйную энергию, скопившуюся за время сна. Хотя, мысленно хмыкнула Покрышкина, похоже, Лихаэль всегда был таким, и не ей перевоспитывать это древнее существо. Бесплезная трата сил и нервов.

– Если я не буду нормально спать и регулярно есть, заболею и помру, – рационально объявила Ася из ванной.

– Не вздумай, ты мне еще не надоела! – эгоистично возмутился Лихо. – Иди и ешь, потом будем развлекаться!

– Как же ты меня бесишь, – буркнула себе под нос Покрышкина, погружая лицо в проточную прохладную водицу.

– Ага, я всех бешу, – с противоестественной жизнерадостностью согласился первопредок под тихое рычание юной родственницы.

Но затевать скандал она не стала, сил не было. Зато незримая прислуга дома-дерева прекрасного чудовища расстаралась. Ася получила на завтрак что-то похожее на густую ярко-желтую кашу с красными и синими мелкими ягодами, хлеб, масло, сыр и кучу фруктов.

Лихо на краткий срок отстал и дал ей возможность поесть. Может, в самом деле испугался, что странная зверушка-человечка помрет невзначай от голода и все веселье накроется медным тазом?

На вкус незнакомая каша не походила ни на овсянку, ни на пшенку, ни на манку. Вообще ни на одну земную кашу. Лишь чуть сладковатая, с пронзительно-свежими ягодными нотками, она была умопомрачительно вкусной.

Подчищая пиалу с завтраком, Ася задумчиво уточнила:

– Слушай, Лихо, а как твои бестелесные помощники такую кучу продуктов раздобыть успели?

– У них впрок под вуалью безвременья много чего запасено, – беспечно дернул плечом первопредок, не углубляясь в детали.

– А-а, тогда, конечно, – фыркнула Покрышкина, ничего не понявшая из объяснения, и зажевала странную информацию бутербродом. Из вуали безвременья или еще откуда, а хлеб, сыр и масло были свежими и столь же вкусными, как каша. Лихаэль, конечно, с глубоким приветом тип, но вряд ли стал бы ее травить здесь и сейчас, пока, по его словам, не наигрался, только чтобы посмотреть, как она от боли корчится.

Поесть почти спокойно он Асе дал, вывел из дома, а потом, широко улыбнувшись, или даже натурально оскалившись, снова схватил за руку и дернул, перемещая на быструю тропу – какой-то аналог эльфийского телепорта. Через пяток шагов по мягкой стежке Ася и Лихо выпрыгнули на чудо какую романтическую поляну, столь густо поросшую цветами, что она напоминала клумбу в оранжерее маньяка естественности.

– Ну-у? – в нетерпении протянул любитель экстремальных забав.

– Баранки гну, – огрызнулась Ася, озираясь. – Ничего я тут не чувствую. Это тебя опять сюда Лес привел?

– Он, – подтвердил Лихаэль и потребовал: – Смотри!

– А я что, по-твоему, делаю? – возмущенно прошипела Аська, пытаюсь сообразить, что она чувствует и чувствует ли хоть что-нибудь похожее на ощущение внутренней чесотки и неуютного покалывания, какое было на полянке, где пробудился от векового сна первопредок.

Мирная и эстетичная, как произведение ландшафтного дизайнера, лесная поляна не кололась и не чесалась. Ни в какую! Но все-таки что-то тут было, на самом дальнем краешке восприятия. Маячило, но показываться не спешило.

– И-и-и? – снова влез с вопросом Лихо, каким-то шестым чувством четко просекая, что Ася недоговаривает.

Вздыхнув, она честно постаралась передать свои ощущения от полянки и закончила повесть о потусторонних воздействиях сердитым бурчанием:

– Не так жутко, как на той полянке с призраком и шкатулкой, но все равно неуютно. Чувствую себя, как в сказке про Аленький цветочек. Идиллия и лепота, а за дальними кустами монстр сидит и глаз с тебя не сводит.

– О? Сказка? Потом расскажешь, – чуть склонил голову набок Лихаэль и довольно констатировал: – А монстр сидит, ты права! Да! Надо приманить, чтоб не ждать долго!

– И как? – напряглась Ася, справедливо подозревая, что с безумца станется использовать ее в качестве наживки. Пока только не ясно, в целом виде или в расчлененном. Предложить в качестве замены кого-нибудь из местных эльфов – их все равно больше, чем одной ее! – девушка не успела.

– М-м-м, вот так! – просиял после секунды размышлений собеседник и подтащил Асю к центру полянки, где оказалась не очередная клумбочка с редкостным аленьким цветочком, и даже не кустик конопли, а родничок в каменной чаше. То ли созданной самой матушкой-природой, то ли кем-то из мастеров, удачно подражающих ей.

– Пей! – бодро скомандовал Лихаэль.

– Не отравлено? – опасливо уточнила Аська.

Лихо заверил спутницу, что уж чего-чего, а яда тут точно нет. Зачем делать ловушку, если сразу ядом «гостей» травить? Это неинтересно!

Ася вздохнула, проглотила просившийся на язык вопрос «а что тут еще есть, кроме монстра?» и, присев на корточки рядом с чашей, зачерпнула ладошкой студеную воду. Сделала глоток: такой вкусной воды она никогда не пила дома, да даже здесь, у эльфов и в древо-доме предтечи тоже. Стоило черпануть ладонью вторую порцию, как началось.

Из густой тени кустов и деревьев на краю поляны выступило оно – огромное, не меньше пары метров в высоту, черное, будто сотканное из цельного куска первозданного мрака чудовище. Выступило и ринулось на жертву.

Пронзительный визг, полный ужаса, вырвался у Аси непроизвольно. Так страшно ей отродясь не было. Даже на полянке со вчерашним «привидением в записи». Трусихой себя Покрышкина в общем-то не считала, но теперь паника буквально захлестывала несчастную жертву. И сообразить, что ужас – явление, наведенное монстром, Аська уже не могла.

К счастью, используя девушку как наживку, Лихо не бросил ее на растерзание неизвестной гадины. Напротив, радостно оскалившись, первопредок ринулся навстречу чудовищу, словно к давно потерянному братику. Вдобавок он еще и кричал на бегу своей невольной родственнице:

– Это оно? Зудит? Эй, не ори, ответь! Зудит?

– Не знаю, я слишком боюсь, чтобы соображать, – жалобно вякнула Ася, однако визжать все-таки прекратила. Несвоевременный вопрос древнейшего как-то умудрился перебить волну паники.

Лихо добрался до черного монстра и с разгона вонзил в него руки. Чудовище издало громоподобный рев, в котором боль смешалась с удивлением. Кажется, монстр всерьез полагал себя неуязвимым. Но в случае с Лихаэлем просчитался. Как, впрочем, почти все, имевшие дело с непредсказуемым древним созданием.

Вырвав из тела чудовища кажущийся плотным сгусток черного дыма, обернувшийся вне плоти монстра парой бурых камней, Лихо раскрошил их за миг-другой в ладонях. Снова ударил подвывающую тварь и снова вытащил из него два камня, уже иного оттенка – антрацитово-черные. После этого акта вандализма нагоняющий не рассуждающий ужас монстр растаял снеговиком под майским солнцем. Его плоть расплылась черной бесформенной кляксой на

роскошной траве.

Подбрасывая в руках пару камешков, которые почему-то не стал крошить пальцами, Лихо танцующей походкой направился к Асе. Сунув ей под нос добычу, потребовал ответа:

– От этих камней зудит?

– А... о... ага, – заторможенно согласилась Ася, шокированная скоростной расправой известного ужаса с неизвестным и с трудом заставляя себя прислушаться к ощущениям. Сердце перестало замирать в груди, и возможность соображать возвращалась.

– Тогда бей по ним, как по стволу стучала! – приказал энтузиаст.

Аська машинально сжала правую ладонь в кулак и стукнула, как велели. Камни покрылись сетью трещин.

Лихо просиял и тут же одним хлопком измельчил камешки в порошок. Тот просыпался мелкими черными крупинками и, подхваченный ветром, умчался вдаль. Первопредок вернулся к кляксе на траве. Монстром это уже быть перестало, преобразовавшись в какой-то экземпляр гигантской амебы.

– А с этим что? – искра любопытства мелькнула в Асином голосе. – Оно так и будет здесь ползать, пока снова до монстра не мутирует, или потихоньку само собой рассосется, как синяк?

– Хм, – Лихо пригляделся к остаткам поверженного чудовища, наклонился и сунул в него руку с деловитостью дамочки, пытающейся нащупать помаду в безразмерной сумочке. – Ага!

Торжествующий предтеча вытащил и воздел вверх совсем крохотный камешек какого-то уже не черного, а глубоко-фиолетового оттенка. Практически одновременно с этим амеба, будто лишившись последней батарейки, истончилась до прозрачного состояния и аннигилировала.

– Что это вообще за хрень и откуда тут взялась? – опасливо уточнила Покрышкина, чтобы уяснить – будет ли дальше ее экскурсия по лесу состоять из полянок с подлянками или нет.

– Отпечаток чьего-то кошмара. У магов и сильных провидцев такое случается. Он не развеялся в светлом лесу, зацепившись за осколок свободной энергии, и со временем обратился в такую тварь, привязанную к месту и спутанную током живой воды, – небрежно пояснил Лихаэль очевидным для себя, но совершенно не объяснимым для человека образом.

– И много тут еще эдаких достопримечательностей? – Аську всю прямо передернуло при мысли о пережитом кошмаре.

– Лес говорит, таких больше нет, – почти отмахнулся от девушки древнейший, занятый изучением добытого кристаллика.

– Не было и не надо! Других, кстати, тоже, – от всего сердца согласилась попаданка, занервничав на выделенном словечке «таких». – И почему эльфы от этой дряни лес сами не почистили? Влом или опять, как сказал старичок, инстинктивно сторонились? Вот так посторонятся-посторонятся, а потом на помойке проснутся.

– Когда-то эльфы Леса были носителями света, истинным его воплощением, не только чувствующим скверну и тьму, но выжигающим ее одним своим присутствием, – проронил Лихо, глядя не столько на камешек, сколько в прошлое.

– А теперь?

– А теперь они остроухие цветоводы, сторонящиеся и тени, – зло отрезал древнейший и потрянул головой, будто разом выбросил эльфов и их проблемы из головы. Куда больше, чем деградация эльфов, его интересовал добытый камешек.

Чтобы осмотреть находку на просвет, Лихо поймал на грань солнечный луч и, кажется, получил совсем не то, что ожидал. Свет, преломившись в диковинном кристалле из монстра, оказался вовсе не фиолетовым, а радужным. Этот луч прицельно ударил в левый глаз Лихаэлю, заставив того непроизвольно сжать

пальцы, обращая добычу в прах.

Не открывая глаза, куда угодила радужная молния, предтеча что-то сказал, мелодично, длинно и очень прочувствованно. Вот только Ася не поняла ни словечка, хотя до этого мгновения вообще не задумывалась, на каком языке говорит и на каком ей отвечают. Все казалось само собой разумеющимся, хотя вовсе им не являлось.

Но когда рисковый экспериментатор распахнул оба глаза, Покрышкина не удержалась от присвиста. Всякие размышления о лингвистике из головы разом выдуло.

– Эй, Лихо, у тебя цвет обоих глаз поменялся, – выпалила Ася.

– О? – скорее заинтересовался, чем встревожился предтеча. Пассом вызвал себе зеркало – стоячую пленку воды и изучил отражение.

Сине-зеленые изумительно-яркие глаза Лихаэля теперь изменились. К переливам цвета добавилась толика искристо-фиолетового. Не тусклого или темного, а столь же переливчато-блистательного, как сапфир и изумруд превосходной огранки.

– Мне нравится, – придиричиво оглядев себя, постановил Лихо.

– Тебе больно было? – без жалости, скорее для информации, уточнила Ася.

– Больно? Нет... не знаю, – на миг призадумался древнейший и постановил: – Скорее странно. Сначала казалось, что-то чужое в меня пихают, но почти сразу понял: не чужое, мое! И когда перестал противиться, всякая неправильность ушла. Не понимаю, буду думать!

«А ты умеешь?» – удивилась одними губами Ася и покосилась туда, где еще вот только что ползала мелкая (с лист бумаги формата А4) черная амеба. Теперь, когда после окончательного потрошения неведомая монстрюшка истаяла без следа, даже поляна и клумба не выглядели помятыми. Вернее, если чьи следы тут и были, то самой Аси. Легконогий Лихаэль же за собой отпечатков не оставлял в принципе, визуально массивный монстр почему-то тоже.

Глава 7

Ритуал

К вопросу о «думать». Впечатления тупицы Лихо не производил, но все его действия казались для стороннего наблюдателя безумными причудами: захотел – сделал или не захотел и не сделал, а не как полагается разумному человеку: подумал, сделал выводы и сделал. Лихаэль вел себя как подросток с гормональной бурей. Вот только последняя касалась не его половых стремлений или внезапных перепадов настроения, а поведения целиком.

– Думать умею, но большей частью это скучно, – не только расслышал, а и даже соблаговолил ответить первопредок. Потом расплылся в какой-то странной улыбке и подпрыгнул вверх с места свечкой. Ну что сказать, метра на три-четыре он ввысь поднялся и мягко, как пушинка, не спрыгнул, а спланировал на траву поляны, будто был не созданием из плоти и крови, а листиком.

– Круто! – только и смогла оценить спортивные достижения Ася, не уяснившая смысла великолепного прыжка. С другой стороны, почему бы благородному дону просто не возжелать попрыгать после сражения с неизвестным монстром? Возжелал и попрыгал.

Лихо на похвалу отреагировал не штатно. Он взвыл, притопнув ногой:

– Не могу!

– Чего? – удивилась Аська, пытаясь сообразить, в какую сторону качнуло корабль рассудка первопредка на сей раз.

– Я не смог запрыгнуть туда! – указал Лихаэль на роскошную ветвь здорового дерева на краю полянки, располагающегося метрах эдак в семи.

– Э? – озадаченно заморгала Ася, почему-то вспоминая нелепый анекдот об удалении аппендицита и игре на скрипке. – А раньше мог?

– Мог! – ошарашил ее Лихо. – Я вспомнил, что мог!

– Ну-у... ты долго спал, мышцы чуток в силе потеряли. Потренируешься, на массаж походишь и опять сможешь, – протянула выбитая из колеи очередной суперспособностью невозможного собеседника Ася.

– Хм, – на миг-другой замолчал древнейший и неохотно принял-таки версию человечки: – Пусть так... Тренироваться? Или лучше принести в жертву нескольких эльфов посильнее?

Аська подавилась воздухом от таких ужасающе небрежных садистских размышлений. Нет, на эльфов ей, в общем-то, было плевать, своя рубашка ближе к телу, но тут как раз вылезала идея той самой персональной рубашки. Если Лихаэль устроит из леса живодерню, а богиня Галя, обещавшая содействие в возвращении домой и покровительствующая эльфам, узнает об этом, то не накроется ли медным тазом шанс Аси вернуться в родной мир? Обидится могущественная дамочка за своих жертвоприношенных остроухих почитателей и предварительный договор разорвет. Он же на словах заключен, на бумаге нигде не подписан, печатями не скреплен. По такому форс-мажору что угодно попаданке прилететь может.

Нет, позволять Лихо бесчинствовать в лесу никак нельзя. Лихорадочно напрягая извилины, чего бы такое ляпнуть, чтобы безумный предтеча передумал творить кровавый беспредел, Ася решительно замотала головой:

– Не-не-не! Никаких жертвоприношений! Ты для начала сам с собой разберись, а потом уж на что-то другое замахивайся. У нас даже при переливании крови совместимость проверяют, не каждый каждому подойдет. Пока выяснили, почему так, а не иначе, народу на опытах изрядно перемерло.

– Хм? – снова неопределенно хмыкнул на миг озадаченный Лихаэль.

– Ты не знаешь, что с тобой произошло за время сна под заколдованными камнями. Может, жертвоприношения обратный эффект дадут, – резюмировала Покрышкина.

– Уговорила, – нехотя согласился предтеча, оставляя мысль о кровавых ритуалах на перспективу. – Пойдем в ритуальный зал.

– Куда? – опасно вздрогнула Ася.

Название места ей совершенно не понравилось. Что если вместо неизвестных гипотетических эльфов после спича про эффекты Лихо решит компенсировать утраченное за ее (новоявленной родственницы) счет? Этот вариант нравился ей еще меньше, чем массовое убийство эльфийского населения.

– Надо разобраться, что случилось с моим могуществом. А потом снова будем искать твои щекотные камни, пока мне не надоест, – небрежно пояснил Лихо и снова по-хозяйски цапнул Асю за запястье.

– Я-то тебе там зачем? – взвыла та, мысленно считая очередную россыпь синяков.

– Ты – родственница, будешь зеркало познания поддерживать, – беспечно объяснил, ничего не объясняя, предтеча.

– И чего, без меня никак? – смутно предчувствуя, что добром затея Лихаэля не кончится, хмуро спросила Покрышкина.

– Можно, но с тобой быстрее. Или ты опять хочешь спать и есть? – нетерпеливо бросил Лихо и, больше не тратя времени на препирательства, воспользовался своим методом передвижения по пересеченной местности. Шагнул на какую-то прямо под ногой возникшую стезжку и буквально прыгнул от полянки, где убивал неизвестную кракозябру, к собственному древо-дворцу.

– Нет, не хочу, – запоздало буркнула Ася, уже на пороге, и далее молча следовала за отпустившим ее наконец Лихаэлем.

Не дыша в затылок, не наступая на пятки, но рядом, чтоб снова не стал хватать и тащить. Копуш Ася и сама не особо жаловала, так же, как мямлей. Но в сравнении со стремительным первопредком, который, кажется, даже жил если не на лету, то точно на бегу, все вокруг казались медлительнее черепах.

Вопреки смутным подозрениям, волок ее Лихо не в какой-нибудь темный подвал с пентаграммами и свечами, натопленными из жира невинно убиенных младенцев, а по лестнице вверх и вверх. Столько, сколько ступеней было в той

лестнице, этажей в древо-дворце быть не могло. Тут точно кто-то гнусно надругался над пространственным, а может и временным континуумом.

– И куда мы несемся? – выдавила из себя запыхавшаяся жертва лихаэлевского энтузиазма, начиная подозревать, что здешний проводник или заплутал сам, или передумал вести ее туда, куда собирался изначально.

– В ритуальный зал, – с легким раздражением повторил первопредок. – Ты еще и забываешь все на ходу?

– Нет, про зал помню. Только не думала, что к нему надо столько идти и все вверх и вверх, – с трудом пояснила Ася, считавшая себя вполне здоровой девушкой. Но даже здоровые девушки не приспособлены к забегам по лестничным пролетам на неопределенную высоту в таком темпе, какой задал Лихо. С его задором Ася быстро приближалась к той черте, когда даже здоровый организм утомляется и начинает сбоить. Одно дело тренировка где-нибудь в хорошем спортивном зале, другое – подобное измывательство!

Короче, Лихаэль бежал вверх минут семь, за ним изо всех сил пыхтела Аська. Наконец лестница кончилась в... где-то. Вот просто «в где-то»! Как иначе назвать это сплетение светлых ветвей, листьев разных форм и причудливых цветов, растущих прямо из веток, пола, стен и потолка, она не знала.

– Пришли! – объявил древнейший.

– Это чего, ритуальный зал? – удивилась Ася.

– Он самый, – оскалился первопредок.

– Больше на лес похоже, на худой конец зимний сад, – брякнула Аська, заторможенно пялясь на веселенькую травку под ногами вместо паркета или ковра.

И едва не упала, потому что неугомонный Лихо бесцеремонно толкнул жертву куда-то в глубь странного помещения.

И не просто толкнул, а, как оказалось, засунул в какой-то молниеносно взметнувшийся и выросший до титанических габаритов гигантский цветок – ромашку-мутант. Растение чуть ли не на лету поймало и заключило жертву между поднявшихся, как решетка, полупрозрачных белых лепестков.

– Стой или сиди там, мне нужна ритуальная связь с членом рода для плетения чар, – наскоро велел Лихаэль, а сам шагнул в переплетение толстых и тонких ветвей, образующих не то узор 4D, не то гибкую клетку, не то и вовсе живой и шевелящийся комок щупалец-лиан.

Два листа на кончиках двух ветвей синхронно протянулись к запястьям и острыми лезвиями кромок взрезали кожу экспериментатора. Кровь, почему-то скорее сиреневого, чем красного, алого или рубинового цвета (она у него оттенок меняет или всегда такая странная?), потекла в оперативно подставленные чашечки больших белых цветов-колокольчиков на гибких лианах.

– Блин, еще и тентакли, – оторопело протянула Ася, потом потыкала пальчиком в плотный полупрозрачный лепесток гигантского цветка, в сердцевине которого оказалась, и добавила: – И я тут как Дюймовочка. Даже почти эльф под боком, только это неправильная сказка, потому что габариты у меня не те, а уж про не-эльфа и говорить нечего. Какой-то он вообще бракованный и без крыльев. Хотя рогов, копыт и хвоста тоже нет или хорошо прячет.

Лихо то ли не слышал речей Аси, то ли не придавал им сколько-нибудь важного значения, поглощенный происходящим действием-ритуалом. После кровопускания, устроенного бутончиками, растительные тентакли с анализами задрожали и выплюнули пробу в подставленную чашечку третьего цветка, на сей раз ослепительно оранжевого цвета и более крупного по размеру. А следом напряглись и выстрелили содержимым, приобретшим почему-то ярко-малиновый цвет, в рот Лихаэля. Тот сглотнул и вперился в цветок, где сидела Ася, взор невообразимо расширившихся, будто после дозы атропина с фиолетовым красителем, зрачков.

Но, Ася готова была спорить, глядел он вовсе не на нее и не на цветок. Он что-то видел на широченных лепестках растительного монстра. Гляделся в него, как в зеркало, и чем больше смотрел, тем сумрачнее становился. Да, смотрел Лихо точно не комедию, скорее триллер или научный детектив.

Процесс смотра для такого непоседливого типа, как Первопредок, продолжался нереально долго. Асе изначально прикольная игра в Дюймовочку успела надоесть хуже горькой редьки. Первые полчаса орать-торопить Лихо она не пыталась – вдруг Первопредок не просто так листики разглядывает, собьешь его с мысли, и все по новой начинать придется. Но процедура смотра все длилась и длилась, и в конце концов утомленная бездельем Аська начала ерзать в жестковатой сердцевине цветка, пытаясь устроиться поудобнее, но не получалось. Диванчик, да что диванчик, даже пуфик или стул внутри растительного монстра были конструкцией не предусмотрены. И Покрышкина сдалась. Она позвала, поначалу тихонько, а когда Лихаэль никак не отреагировал, громче:

– Эй, скоро ты там, я устала! Ноги толком не выпрямить! Лихо, ау!!! Земля вызывает Лихо! Прием! Как слышно?

Первопредок чуть заметно вздрогнул и медленно, будто забыл, как оно вообще делается, моргнул раз, другой, третий. Вдохнул. «Он что, вообще все это время не дышал?» – запоздало, но как-то вяло удивилась Ася.

Зрачки Лихо тем временем вернулись к прежним размерам и цвету, лианы выпустили жертву из клетки. Раскрылись и лепестки мутировавшей ромашки, освобождая Асю из своей сердцевины.

– Может, объяснишь, что это вообще было? – выбравшись из цветочного заточения и ритуального леса-зала, бросила Аська вопрос.

– Я зрел себя, – нехотя проронил Лихо. – Ты была права.

– Я права? Хм, здорово. А в чем? – удивилась попаданка и самому факту признания, и тому, что у нее что-то такое вышло.

– Чужая сила, взятая через жертвоприношение, мне не поможет, – хмуро признал Лихаэль и яростно прошипел: – Моя сила, моя суть, они искажены, моя память – как водная гладь под ветрами. Бесконечная рябь, и не разобрать того, что есть, и того, что стерто.

– Из-за того, что ты слишком долго спал? – предположила Ася.

– Я и раньше уходил в грезы на века и долее, когда уставал от живых, – отмахнулся предтеча так небрежно, будто речь шла о привычке к послеобеденной дреме. – Но ни силы, ни памяти не терял.

– Ну... Может, какая-то разладка из-за тех диверсионных камней-призм случилась? – растерянно пожала плечами Покрышкина. Образ безумного инициативного Лиха никак не желал стыковаться в голове с положением периодически мирно спящего красавца. – Тут в округе специалистов не водится, у кого детали уточнить можно?

– Гиаль ничего не скажет, если даже знает. Она меня всегда едва терпела, бесят светозарную такие, чья сила от молитвенных песнопений не зависит и ее собственную перехлестывает. Шеардин, может, и смог бы что-то разглядеть, только исчез из Леса он еще до моего ухода в последний сон. Думаю, Гиаль и его своей занудной светлостью допекла.

– А Шеардин это кто? – на всякий случай уточнила Ася.

– Шеар-то? Он спутником Гиаль был и моим хорошим приятелем, – беспечно дал справку Лихо.

– Муж, что ли?

– Избранник, до ритуала в Храме Сил у них так и не дошло вроде бы, или он очень вовремя исчез, – цинично хмыкнул Лихо, явно намекая на мотивы незнакомого Асе типа.

Сама Аська комментировать точку зрения собеседника не стала. Судить того, чье имя узнала секунду назад, и сплетничать о нем – неинтересно и бессмысленно. Лишь предложила:

– А еще у кого-то спросить нельзя?

– Глупышка, – снисходительно усмехнулся Лихаэль. Он уже перестал беситься на показ. (Все-таки его настроение порой напоминало качели, из тех, которые не только вверх-вниз двигаются, а еще и в стороны да с поворотами по оси). – Ты наивно полагаешь, что миры полны тех, кто желает помочь предтечам? Ха! Нас,

коль достало бы могущества, желали бы видеть легендой, причем мертвой легендой, почти все. Мы слишком непредсказуемы и сильны.

– Короче, буйные и опасные психи, – перевела Ася вслух.

– Точно! – просиял Лихаэль, оценивая удачно подобранные эпитеты.

– А потому ты будешь жить, процветать и всем жизнь портить, – подвела итог родственница поневоле.

Вместо ответа Лихо расхохотался. И такое неудержимое искристое веселье было в его смехе, что Ася против воли улыбнулась в ответ. Да уж, достался ей родственничек! И никуда от него не деться. С другой стороны, те эльфы, которых она видела, ее вообще за равную не считают и какие-то они все вялые да скучные, даром, что красивые. (Как есть, цветоводы!) С Лихо проще, он никого вообще равным не признает, потому и не особо обидно.

Глава 8

О памяти и поиске

Выйдя в сад при древо-дворце, Ася покосилась на инициативную комету и опасно уточнила распорядок дня:

– Что теперь?

– Ты и впрямь забывчивая, – критично оценил дефективность родственницы Лихо. – Искать щекотные места. Возможно, среди них попадутся еще такие, какие и мою силу впитали. Вроде той поляны с облачным созданием-стражем.

– Пойди туда, не знаю куда, найди то, почти знаю что. Как знакомо, – вздохнула Ася. – С какого перепугу куски тебя вообще где-то кроме тебя оказались? Ты ж не дерево, чтоб семенами разбрасываться.

– Не ведаю, – откровенно, впрочем, без обиды на ситуацию и собственное невежество, признал Лихаэль. – Но узнаю и отомщу, если будет кому.

– Ну да, тот, кто тебе снотворное в «кроватьку» подложил, уже и сам помер, – оптимистично согласилась Ася, разделяя сомнение насчет «будет кому».

– Поднять руку на столь древнее создание, как я, и остаться безнаказанным невозможно. Сама Вселенная обрушит на злоумышляющего своей гнев, – без пафоса, вроде как сообщая, что камень, брошенный вверх, падает вниз, потому что существует закон всемирного тяготения, сообщил Лихаэль.

– Редкая тварь из Красной книги. Неприкосновенная, даром что тварь, но ведь редкая, – бормотнула себе под нос запутавшаяся Ася, ни хрена в причинно-следственных связях между статусом предтечи и невозможностью невозбранно навредить ему не понявшая. Наверное, речь шла о каких-то магических заморочках, в которых она ничегошеньки не смыслила. Когда учишься на юриста, а не на какого-нибудь колдуна/ведуна/шамана, другого ожидать не приходится. С этими эльфами, богами, первопредками и прочей шушерой вообще рехнуться можно! Поэтому странно не то, что все вокруг странно, а что она еще в своем уме, а не пускает слюни и не смотрит в никуда бессмысленным взглядом.

Спорить и верещать, что уж лучше останется в этом странном доме-дереве, чем станет таскаться с Лихо по чащобам, Ася не стала. А ну как подвернется шанс вернуться домой? И что тогда? Шанс там, а она здесь! Непорядок. Придется идти с Лихаэлем, вернее, как обычно мчаться, сбивая ноги. Ходить медленно и печально этот шальной не умеет и учиться не собирается. Его все устраивает, а то, что не устраивает других – пустяки, дело житейское, привыкнут или сдохнут.

– Пошли, – хмуро согласилась Покрышкина и привычно поморщилась, когда на старые синяки легли изящные тиски пальцев первопредка.

Удивительно, но тот заметил гримаску и уточнил, скопировав даже в интонации привычный для девушки вопрос:

– Ты чего?

– Больно, – Ася задрала рукав и поднесла запястье к лицу Лихаэля, демонстрируя мелкую россыпь синих, фиолетовых и желтоватых синяков – отпечатков пальцев предтечи. – Ты мне уже всю руку измочалил. Может, пока правая подживает, за левую дергать будешь?

– Ты такая хрупкая, – не в комплимент, а с новой порцией недовольствия проворчал Лихаэль.

– Это не я хрупкая. А ты варвар, силу непомерную дозировать не умеешь, – буркнула Ася, с подозрением следя за тем, как невозможный родственничек подносит ее руку к губам.

Нет, ни целовать, ни, что более ожидаемо, кусать ее Лихо не стал. Просто подул, как подула бы мама на синяк непутевой малышки-дочурки, ухитрившейся невзначай ушибиться и разрыдаться по этому поводу. Так когда-то, кажется, вечность назад дула Аське мамочка, когда была жива. До той аварии, перечеркнувшей Асину жизнь надвое и оставившей ее, семилетнюю кроху, с одиноким дядькой, военным пенсионером.

От теплого ветерка, защекотавшего кожу, синяки разной расцветки стыдливо сбежали с кожи, бледнея и выцветая в секунды. От непрошенных воспоминаний защищало глаза и зачесалось в носу. Ясное дело, бесшабашный бессовестный Лихо ничуть не походил на ее маму, но сам жест, осторожное дуновение...

– Ты чего? – насторожился первопредок. – Эй, чел... Ася, ты чего? Я опять больно сделал?

Кажется, сейчас Лихо в первый раз назвал ее по имени сознательно, а не «эй ты» или «человечка». И, кажется, именно сейчас он в первый раз насторожился, каким-то образом считав ее настроение.

– Все в порядке, – помотала головой Аська, часто-часто моргая, чтобы смахнуть с ресниц непролитые слезы. Не успела. Лихаэль поймал ее за подбородок и снял влагу с ресниц, слизнул.

– Соленая. Ты... ты плакала? Почему? Так больно?

– Нет, это другая боль. Всего лишь память, – подрагивающими губами попыталась объяснить Ася и неожиданно для себя разоткровенничалась: – Ты мне синяки лечил, как мама когда-то давно. Когда жива была.

– А-а, узы родства и горечь потери, – покивал Лихо неожиданно серьезно, без своей обычной шутовской беспечности, даже пояснил: – У нас по-другому, мы никогда связям плоти значения не придавали, души важнее. Да и столь давно все это было, что почти стерлось из памяти.

– Я не хочу забывать, – упрямо покачала головой Ася и, встряхнувшись, спросила: – Так мы идем, или?..

– А как же! – снова привычно ухмыльнулся Лихо и, цапнув Аську за здоровую ныне руку, прыгнул на живую тропу, готовую в мгновение ока привести любимчика к очередной проблеме.

Выкинуло Асю и мягко опустило Лихаэля не на травку в лесу, а у неширокой порожистой речушки. В кристально чистой водиче ее резвились такие рыбы, которые бы лишили покоя и сна любого сколько-нибудь понимающего в рыбалке человека. Но поскольку Аська всегда рыбалку любила только как спокойный отдых на природе, а не за размер добычи, то осталась почти равнодушной. Нет, азарт и Покрышкиной был не чужд. Вот грибы собирать она любила, особенно те, которые кучно растут: опята, лисички, маслята. Чистить потом и мыть, конечно, муторно, зато есть вкусно.

Речушка с нахально прыгающей рыбой шумела в каменном русле, а чуть выше и левее имелась целая россыпь громадных черно-красно-оранжевых камней, почти дольменов. Вряд ли изящные эльфы стали бы громоздить нечто подобное столь вызывающей расцветки в своих владениях, потому скорее всего причудливые конфигурации камней и их цвет были естественного происхождения. Или тут камни сами красились и сползались в причудливые груды по собственной прихоти, а не замыслу первобытных строителей? Чокнутый мир, могли и ползти.

– Ну?! – не дождавшись, пока девушка осмотрится вокруг и выдаст наводку, нетерпеливо воззвал Лихо.

– Не понукай, не запрягал, – огрызнулась Ася и постаралась определить хоть что-нибудь, чтобы занять деятельного безумца работой или погромом. Словом,

чем-то, не связанным напрямую с ней.

Рыбки в серебристой и ярко-голубой чешуе, водичка, камни и скалы, над головой ослепительная синь, подальше разнотравный цветущий луг, переходящий в величественный лес. Идиллия, блин! Постелить коврик, лечь и загорать! И чтоб никто за руки не дергал и никуда не тащил хоть пару часиков. А-ха, размечталась! Чтоб Лихо да утихомирится, его надо связать и усыпить, а лучше еще сверху чем-нибудь придавить, потяжелее, потому что он и во сне, связанный, ухитрится куда-нибудь ползти, прыгать или катиться. Ладно, пока характер первопредка играет на стороне, Аське только одно остается: стиснуть зубы, терпеть и помогать. Потому что домой хочется, туда, где все привычно, к дядьке, занятиям, приятелям, к понятному и объяснимому физическими законами, а не «потому что я так хочу!» миру.

Хорошо еще насчет времени ее успокоили, а то вернуться не к ровесникам друзьям-приятелям, а к глубоким старикам, как этот чудак по имени Рип «чего-то там» из старой легенды, над переводом которой недавно корпела Аська, совсем не хочется. Значит, надо сосредоточиться и работать самой.

Все-таки какая-то нота фальши в безмятежность пейзажа вкралась. Осталось только определить, в какой строке, в какой детальке пазла. Выкрутившись из хватки Лихаэля, Ася неторопливо прошла к конгломерату камней. Кажется, ощущение щекотки крепло по мере приближения к ним. Но все еще оставалось слабым. Пожав плечами, девушка двинулась в обход самой крупной груды, каждый из камней которой был больше ее собственного роста, Лихо двинулся за ней по пятам, буквально дыша в затылок.

«Нормальные герои всегда идут в обход», – бормотала Ася и косилась при этом на Лихо, явственно намекая на то, что ему в когорте нормальных совсем не место, а значит, стоит подождать, присесть где-нибудь в сторонке и дать ей возможность поработать сканером. Хотя... Если в этих камнях прячется очередной монстро-амеб, то пусть уж первопредок идет рядом. Он все-таки зло известное и со всякими пакостями одной левой или правой, а то и вообще пинком справится.

Но ни амев кардинально-черного цвета, ни монстров другого оттенка за грудой камней Ася не отыскала, зато отыскала провал в темноту, из которого куда сильнее, чем где-либо, тянуло щекотным ощущением на грани пощипывания.

– Что-то там, – поделилась девушка с Лихо своими соображениями и тут же пожалела о сказанном, потому что шальной древнейший объявил:

– Ничего живого в любой из форм там нет! Ну-ка, пошли!

И дернул в темноту, заодно дернув за собой Асю. Первый шаг они сделали по узкому каменному коридорчику, выглядевшему как щель в случайном нагромождении глыб. Второй шаг оказался для Аси словно движение в воде или того хуже, сквозь желе, на третьем окружающий сумрак сменился вспышкой синего света и ощущением падения.

Секунду спустя звенящая тишина «ничего и нигде» сменилась совсем другими звуками и запахами, не имевшими ничего общего с прежними.

Следом камень пола попытался ударить Асю и сбить с ног, но железная рука Лихаэля удержала, неизбежно наставив новый набор синяков. Яркий свет полудня, ничуть не похожий на мягкий утренний, заставил зажмуриться.

Глава 9

Куда завел портал

Проморгавшись, Ася огляделась. Камни вокруг были почти прежние, но дальше... дальше оказалось все не так. Речушка с рыбой, луг и лес исчезли как не бывало, яркая синева выси стала жалкой голубенькой простынкой с бело-серыми заплатками облаков. А еще, Ася готова была ручаться, откуда-то явственно пованивало бензиновым выхлопом и какой-то масляной краской. В пяти метрах от груды камней была под наклоном установлена черно-красно-оранжевая (материал однозначно все тот же) большая плита с непонятными значками. Шли они ровными рядами и, скорее всего, были какими-то буквами или цифрами.

– Хм-м, портал односторонний, – резюмировал Лихаэль, заинтересованно закрутив головой по сторонам и с отвращением резюмировал: – Почти мертвый мир, магия ушла, жизнь скоро, через несколько тысяч лет, уйдет следом.

И тут же отбросив свои мысли вслух, как несущественные, обратился к спутнице:

– Так, что мы ищем?

– Эй, а если портал сюда это дверь в один конец, как мы вернемся, чтобы с Гали награду стребовать? – первым делом осторожно уточнила Аська.

– Найдем другую дверь, – небрежно отмахнулся Лихо, – моей магии хватит. Она от мира почти не зависит!

– Так ты и по мирам ходить умеешь и домой меня давным-давно мог сам отвести? – осенило Асю мрачное подозрение.

– Ходить – могу, отвести домой – нет. Я в твоём мире никогда не был, – беспечно отбоярился Лихаэль от важного вопроса, как от сущей мелочи.

– Так, может, это и есть мой мир, только страна другая? – неуверенно уточнила Ася. Надежда, конечно, глупое чувство, но так хотелось поверить в чудо.

– Нет, это точно не твой, запах другой, с твоим не сочетается, – нетерпеливо перебил её убийца надежд и снова потребовал ответа: – Где и что тебе здесь щекотно?!

Аська глубоко вздохнула раз, другой, третий, медленно выпустила воздух из груди и ткнула в направлении плиты:

– Вот там.

– У-у-у, – загорелся предвкушением новой игры первопредок.

– Эй, странная парочка, вы что на закрытой территории делаете? Как пробрались-то? К мемориалу доступ только через пятикружье открывается! – потребовали ответа из кустов с левого края поляны.

Почти тут же зеленые ветви раздвинулись, выпуская пожилого мужчину в темно-зеленой форме странного фасона. Такой на Земле точно никто не носил: очень

короткая куртка и едва ли не от подмышек начинающиеся штаны. И некие знаки различия, больше всего напоминающие кривые снежинки черного цвета, присобаченные не в качестве погон на плечах, а на воротнике-стойке.

«Да, это точно не Земля!» – вынужденно признала Ася.

Что именно сказал абориген, она поняла, но совершенно четко поняла и другое: говорил он совсем не на русском. Впрочем, откуда у нее снова взялось знание чужой речи, сейчас Покрышкину не интересовало. Почему-то стало очень обидно и все на миг-другой потеряло смысл. Наверное, такое случается, если подышает, не успев толком возродиться, надежда.

– Простите, мы нездешние, – извинилась девушка, пока Лихо не учинил чего-нибудь непотребного. – А что за мемориал? Эта плита?

– Этот холм, – мрачно поправил человек, прихрамывая, подходя к нарушителям. – Туристы, что ль, с Заграля? Тут последний рубеж обороны Салига проходил. Здесь все легли, кто живой стеной против орд тутрихских встал.

– Так здесь братская могила? – догадливо предположила Ася, понятия не имеющая ни о Салиге, ни о тутрихах, но превосходно знавшая, что такое великая война и насколько святы бывают ее памятники для помнящих и чтящих прошлое.

– Весь холм братская могила, – мрачно уронил собеседник, – как огнем тургаров их накрыло здесь, так после землю и камни от плоти отделить невозможно было. Потому и пускают сюда лишь раз в пятикружье память почтить – нечего по костям воинов попусту бродить.

Пока Ася и здешний смотритель беседовали, Лихаэль успел осмотреться и обнюхать все, не сходя с места, после чего постановил, точно что-то учуяв:

– Твоя щекотка под плитой.

«И нас тут же рядом прикопают, стоит только сдвинуть с места мемориальный камень, – «оптимистично» закончила про себя Ася, никогда не одобрявшая надругательства над могилами. – Или Лихо прикопает этого человека, когда тот

начнет возражать против вандализма и осквернения захоронения».

Лихаэль, однако, покосился на зрителя, потом на свою человечку и скрутил пальцы, нет, не в фигу, но что-то явно похожее по конфигурации. Не дойдя до парочки иномирных гостей нескольких шагов, хромой широко зевнул и аккуратно прилег на траву, где мирно захрапел.

– Это ты его усыпил? – на всякий случай уточнила Ася.

– Ты такие глупые вопросы порой задаешь, человечка, – поделился своим мнением невозможный тип и спокойно прошел к громадине плиты. Поддел ее за основание и переставил, будто картонный макет, на свободный газон левее.

– Походу, у тебя не только пальцы железные, ты еще и супермен, – вяло, уже устав удивляться, прокомментировала очередной трюк Ася. Первопредок вообще был живым свидетельством отрицания всех законов мира физического.

Уставившись на влажную почву с редкими белесыми без солнца нитями травы, Лихо прищурился и сунул руку в почву, как в воду. Вытащил оттуда совершенно чистую длань, к которой не прилипло ни комка грязи. А в пальцах первопредок сжимал черную гладкую пластину овальной формы размером с половину тетрадного листа.

«Не камень, а что-то из камня, на обсидиан похоже», – оценила добычу Ася, а Лихо, недолго думая, сграбастал Асину руку и шлепнул ее ладонью по пластинке. Та переломилась пополам, и в тот же миг обломки осыпались мельчайшим крошевом, которое свилось в черный спиральный вихрь. Получившийся мини-ураганчик лег горизонтально и умчался на северо-восток.

– Всё, – осклабился Лихаэль и собрался было двигать с поляны.

– Стоп! Плиту на место верни и человека разбуди, – строго велела первопредку Ася.

– Ты такая скучная, – поморщился Лихо, однако плиту на место переложил и проказливо покосился на зрителя, явственно вознамерившись перед

побудкой положить того на плиту сверху.

– Не кощунствуй! Лучше бы вылечил его, а не измывался над калекой! – заскрежетала зубами Аська, теряя последние крохи терпения.

– Ты мне еще вели всех здешних неупокоенных отпустить, – фыркнул первопредок, впрочем, шутку творить раздумал.

Ася подавилась начатой речью и опасливо уточнила:

– Здесь тоже призраки бродят ночами?

– Были... Но магии нет, развеялись, только след многих внезапных смертей еще держится, – нехотя проронил Лихо и предложил, бросив лукавый взгляд на спящего хромца. – Я бы ему лучше другую ногу тоже сломал для симметрии. Это было бы весело!

– Оставь инвалида в покое. Стыдно издеваться над слабыми, неспособными дать отпор. Не хочешь или не можешь лечить, просто не трогай, – буркнула Ася. – Лучше скажи, придумал, как возвращаться будем?

– За черным ветром пойдем, – беспечно проронил Лихаэль, кажется, издевавшийся все это время вовсе не над инвалидом, а над человеческой, выдвигая столь дикие предложения. – Без тебя я бы сразу помчался, но ты такая медленная.

– Да-да, сплошная некондиция. Тупая, больная обезьяна, пристрелить, чтоб не мучилась, и вся недолга. Я тебя тоже люблю. Пошли уже, куда там нам надо, – вздохнула Ася, предчувствуя очередной сумасшедший забег с препятствиями.

Лихаэль привычно цапнул ее за запястье, но прежде, чем исчезнуть с поляны, как-то хитро повел рукой в сторону спящего зрителя. Тот распахнул глаза, забился на траве и заорал от боли. Предтеча довольно расхохотался.

– Какая ж ты сволочь, – в сердцах проронила Ася, стоило им остановиться где-то в цветущих предгорьях без малейших следов цивилизации. – Просила же...

– Я и сделал, как ты просила! – огрызнулся почти оскорбленный Лихаэль. Дескать, теперь-то что не так? – Вылечил я его ногу. Она у него была неправильно собрана из обломков. Заново сломал и срастил, как надо.

– И без анестезии, – констатировала Аська.

– Ничто не дается даром! Я взял плату болью, – беспечно, как само собой разумеющееся, пояснил Лихо. – А мог бы годами его жизни, или здоровьем, или удачей, или...

– Хватит, поняла. А какой счет мне за исцеление синяков предъявишь?

– Ты – член моего рода, – слегка поморщился первопредок, и непонятно было, досадует ли он на факт невольного родства с несуразной человеческой или на то, что ей, дурынде, приходится объяснять элементарные понятия. – А этот человек никто, и довольно об этом. Или я вернусь и просто убью его.

– Разозлился?

– Не дай Творец тебе узреть мою злобу или гнев. Не уверен, что переживешь, даже с толикой моей крови в венах, – с чистосердечным эгоизмом и столь же убийственной искренностью заверил спутницу первопредок.

– Я и насчет твоего хорошего настроения не особо уверена, – откровенно выпалила Ася, впрочем, оставляя попытки прояснить ситуацию с хромым и его исцелением.

А то и впрямь как бы чего не вышло. Плохого. Или даже очень-очень плохого. Откровенным мерзавцем и подонком Лихаэль не был, но его непредсказуемость и весьма своеобразные преставления о том, что такое хорошо и что такое плохо, давали тысячу очков вперед любому натуральному злодею. Поступки того хотя бы можно было предсказать, а вот с предтечей такой номер не прокатывал.

Перестав пререкаться со спутником, Ася огляделась, пытаясь сообразить, куда Лихо ее притащил на этот раз в погоне неизвестно за чем. Кажется, это была горная долина. Камни вперемешку с травой под ногами, высокие скалы вокруг и голубой глазок озера впереди.

– Где это мы? – спросила она.

– Там, где близко врата. Ветер крошева унесся сюда, – пояснил необъяснимое Лихаэль столь же необъяснимо.

– То есть его, как железку магнитом, притянуло сюда, к гипотетической двери из этого мира куда-то в иные, и теперь тебе надо увидеть, где выход? – скептически уточнила Покрышкина, пытаясь расшифровать слова древнейшего.

– Воистину, – согласился предтеча, уже как бы позабывший, что несколько секунд назад сердился на Асю. Или и в самом деле, все, что испытывал первопредок, было не более чем легчайшей тенью сиюминутного настроения? Если так, то видеть, как он по-настоящему бесится, Асе совершенно не хотелось, для начала полагалось бы пожить еще лет эдак девяносто.

– И? Ты видишь выход?

– Не-а, – беспечно отмахнулся Лихо. – Но это неважно, нам нужен лишь след от крошева, и я его чую.

– Супер, и где он? – подозревая недоброе, уточнила Ася. И все ее «оптимистичные» ожидания оправдались сполна.

– Там! – первопредок уверенно повел рукой, а не пошло ткнул пальцем (вот как у него каждое движение не просто жестом, а па древнего танца выходит?) в гладь небольшого горного озера.

И потащил Асю к воде, прыгая по камням резвым горным козликом.

– Эй, эй, стоп, нам что, придется куда-то плыть? – закричала бедная попаданка.

– Ты еще и плавать не умеешь? – почти уверенно занесло в длинный список недостатков родственницы очередной дефект невозможное рыже-закатное сплошное совершенство.

– Умею, а вот нырять не особо. Вода заливается в уши и потом никак не вытряхивается. Уши начинают болеть, а здесь аптеки с лекарствами за углом

нет. Что нам точно делать придется? Нырять?

– Нырять, – злорадно рассыпался смешком Лихаэль, но все-таки снизошел до утешения: – Я укрою тебя своей силой, не намокнешь, и уши, если зальешь водой, вылечу!

– Чувствую себя собачкой Му-му. И почему мне кажется, что ты, Герасим, чего-то недоговариваешь, – проворчала Ася, смирившись с тем, что водная гладь все ближе и ближе, а она до сих пор не подвернула и не сломала себе лодыжку.

Древнее чудовище в ответ лишь снова расхохоталось, подхватило Аську на руки и ни с того ни с сего впилось в ее губы поцелуем, после чего прыгнуло в воду, сразу уйдя с головой. Что вода – это вода, Ася понимала, но почему-то ни она сама, ни Лихо, продолжавший прижиматься к ее губам своими устами, будто печатями, раскаленными в жерле вулкана, не мокли. И при этом уверенно опускались вниз, на дно. Закатные волосы первопредка распускались мелкими сияющими протуберанцами живого солнца. Он весь словно сиял, и этот свет ограждал Лихаэля и его спутницу от озерной прохлады и влаги. Впрочем, Ася все происходящее воспринимала постольку-поскольку, вынужденно сосредотачиваясь на ощущении почти нестерпимого жара, прокатывающегося по ее телу от того места, где впечатались губы вконец сбрендившего первопредка. Страсти в его поступке не было ни на грош, значит, это было какое-то колдовство.

Дна, почему-то не мягкого песка с водорослями, не ила, а твердого ровного камня, Лихо коснулся с плавной мягкостью, и в тот же миг вспыхнул алый закатный свет, пронзивший обоих «водолазов». Все это длилось века или мгновение и сменилось гулом в ушах от перепада давления. И диким, противоестественным ощущением невосполнимой потери, когда губы Лихаэля перестали касаться ее губ.

Глава 10

Новый ход – старый храм

– Прошли! – бодро объявил мучитель, практически скидывая человечку на оранжевую гравийную дорожку, ладно хоть не ничком. И сверху не попрыгал.

– Куда? – выдавила из себя жертва вопрос, просто чтобы хоть что-то сказать и прийти в себя. Где-то неподалеку звучала заводная энергичная музыка в стиле «тум-тум-бум-барабум». Дискотека, что ли, шла?

Сделав шаг, Ася покачнулась, земля поплыла под ногами. Уверенно цапнувшая ее за шкуру рука помогла устоять.

– Не все ли равно, – беспечной невозмутимости Лиха мог бы позавидовать и целый буддийский монастырь поголовно достигших просветления монахов. – В любом из миров есть двери, и я их открою туда, куда нужно нам! В том, умирающем, оставалась только одна, да и та замурованная. Чтобы пройти, мне пришлось с тобой чуток силой поделиться, а то бы не прошла или по кускам переместилась. Сейчас придешь в себя.

– А... ага, – сглотнула Аська, укладывая в голове странные объяснения безумного первопродка. И зарубку сделала: таких ситуаций с дележкой лучше впредь избегать, а то недолго и наркоманкой законченной стать.

Пока они разговаривали, на дорожку вышла, покачиваясь и помахивая бутылкой темного стекла, девушка. Судя по мощности амбре, донесшегося до Аси, очень пьяная девушка в очень коротком ярко-алом платье, на которое как сверху, так и снизу явно пожалели материала. Разбегающиеся глазки аборигенки сфокусировались на Лихаэле и прилипли к нему.

– Какой сладкий мальчонка! Поцелуй меня! – потребовала девка и, шатнувшись к Лихо, повисла на его шее. Присосалась, как пиявка, малиновыми от помады губами к ярким устам неотмирного чуда. Почему-то Асе стало противно, будто она увидела, как вандал справляет нужду на ступенях храма или карябает граффити на «Мадонне» Рафаэля.

А Лихо... Он позволил этот вульгарной девице коснуться себя, но прежде, чем Аська возмутилась вслух или сообразила, что возмущаться никакого резона не имеет, ведь Лихаэль не ее парень, собственность и вообще всегда творит все, что левой пятке восхочется, сцена сменилась.

От девицы к первопредку рванула короткая вспышка грязно-желтого света, и все на этом кончилось. Для девицы. Дальше был только короткий бздыньк стекла о гравий, едва слышный шелест одежды и серая пыль. Лихо скривился и сплюнул в сторону:

– Мерзкий мирок.

– Ты что с ней сделал? – остекленевшим взглядом уставившись на комок тряпок – все, что осталось от только что жившего и дышавшего человека, – шепнула шокированная Ася.

– Выпил, мне лень было читать ее.

– Ты же вроде как почти эльф, или все-таки вампир? – запуталась Ася в происхождении древнейшего.

– Я не пил ее крови и силы, тем паче души. Лишь пропустил через себя суть этой пустышки, чтобы понять, куда нас занесло. Еще один почти глухой мирок почти без магии и вовсе без богов.

«Крики о монстрах среди нас делу не помогут», – как-то вяло решила Покрышкина, не в силах подобрать адекватную реакцию на творимый Лихаэлем убийственный беспредел.

– Пойдем! – велел первопредок, не подозревающий о состоянии спутницы или не дающий себе труда его понять.

– Куда? – апатично уточнила Ася. – Ты уже знаешь, где нужная нам дверь? Ты чувствуешь, куда переместились крошки пластины?

– Нет, при переходе между мирами следы обрываются, но это неважно. Я просто отыщу здесь другую дверь.

– У тебя ключ, что ли, есть или отмычка универсальная? – запуталась Аська.

– Зачем? Я просто вышибу дверь туда, куда нам надо вернуться, – небрежно пожал плечами Лихаэль.

– Стесняюсь спросить, а чего ж ты раньше этого не сделал?

– Там не мог, без разрушения мира. А такое непростительно даже мне. Явятся какие-нибудь чудики от Равновесных или даже Абсолюта, начнут читать мораль, ску-у-у-чно! Здесь можно чуток повеселиться, – ударил оптимизмом по шоку великолепный безумец-предтеча.

– А крошки той пластины нам искать не надо? – сбилась с хода мысли Ася, ни о чем ином больше не рискуя спрашивать, чтобы мозг не свернулся улиткой от массы не усваиваемых абстрактных понятий. Уточнять, кто такие Равновесные и Абсолют, не тянуло по той же причине.

– Не-а, – они уже там, где должны быть. Связь цельной пластины с эльфийскими чащами, беспокоившую Лес, я уничтожил, остальное не наша забота. Притянутся, нет – не важно! Возвращаемся! – снизошел до ценных указаний Лихаэль. – У той девки в памяти было несколько подходящих местечек. К ближайшему пойдём!

– Ногами? – слабо и тщетно понадеялась бедная Ася.

– Ногами долго, мне тут не нравится! – безапелляционно постановил первопредок и вновь дернул несчастную Аську за руку.

Эльфийских троп здесь не было, потому то, что сотворил Лихаэль, иначе чем телепортацией назвать не получалось. Реальность мигнула, и вот уже Ася в качестве довески к Лихо оказалась на вершине громадной пологой каменной лестницы перед высокой колоннадой розового цвета. Если бы не оттенок камня, можно было бы подумать, что они где-нибудь в Средиземноморье, у знаменитого греческого храма, посвященного олимпийским богам.

Толком оглядеться по сторонам Лихо жертве не дал. Бодро поскакал к колоннам, таща Асю за собой на прицепе и совершенно не обращая внимания на редких людей, глазеющих на странную, возникшую будто из ниоткуда парочку. Впрочем, очень быстро и очень странно этот интерес угас и взгляды посторонних стали соскальзывать мимо.

Внутри, за колоннами, под высокими сводами было красиво и тоже немногочисленно, как в будний день в музее. Народ больше походил на праздных туристов, нежели на прихожан церкви. Каменные статуи, раскрашенные яркими красками под живых людей (или все-таки богов?), барельефы с мифическими сюжетами в обрамлении каменных гирлянд цветов и плодов, каменные чаши на высоких ножках (наверное, курильницы для благовоний или просто гигантские кубки-вазы для эстетики) придавали интерьеру вид дорогих декораций к историческому фильму.

– Я же говорил, боги отсюда давно ушли, – прокомментировал Лихаэль то ли свои нечеловеческие ощущения, то ли невысказанный вопрос спутницы.

– Зачем мы тогда тут?

– Место силы никуда не делось, – фыркнул первопредок. – Или ты хочешь остаться здесь жить?

– Нет уж, я по итогу домой хочу, – помотала головой Ася, планов по смене ПМЖ не имевшая даже в масштабах одного города, не то что разных миров. – Значит, ты тут дверь будешь открывать? А как?

– Проломлю, – надменно фыркнул Лихаэль, чуть притопнув по гладкой плите пола. Почему-то гул и вибрация от его легкого движения пронеслись по всему храму, заставив людей невольно заозираться в поиске причины происходящего.

– А без вандализма никак? – недовольно уточнила Ася. – Ты ведь, чувствую, тут все порушишь!

– Какая разница? Богов здесь нет, и они не вернутся, – отрезал первопредок.

– Есть красота, а останутся руины, – невольно пожалела Ася. – У нас от таких храмов только обломки сохранились, да блеклые статуи по музеям. Или ты просто хочешь порушить все только из-за того, что богов не любишь?

Кажется, своим случайным вопросом попаданка попала не в бровь, а в глаз.

– За что их любить? Мешаются, вечно лезут не в свое дело, – неприязненно скривился Лихаэль. – Без них в мирах было веселее.

– Угу, и травка зеленее, и небо голубее – типичное стариковское ворчание пошло, – съязвила Ася и уже серьезно попросила: – Если можно дверь тут сделать без погрома, сделай.

– Ха, а лишние траты силы ты возместишь мне своей кровью? – сыронизировал первопредок.

– Кровью? – невольно вздрогнула Аська.

Еще разок окинула взглядом окружающую ее красоту. Зверская плата как-то сразу показалась приемлемой. И не вампир же Лихо в самом деле, чтобы ей горло рвать, может, для какого-то ритуала нужно. Потому нехотя согласилась: – Если не больше двухсот миллиграммов, бери.

– Дура, обойдусь, – совершенно по-человечески, даже скорее по-мальчишечьи отреагировал Лихаэль и, отвернувшись от странной человечки, оценившей старые камни выше себя, принялся быстро что-то чертить в воздухе. Причем от его пальцев оставался светящийся след, словно от тепла на ночной фотографии. Яркие линии складывались в причудливый узор, скорее похожий на геометрическую вязь, нежели на дверь.

Стоило Лиху взяться за плетение странной светящейся композиции, как окружающие напрочь позабыли про странную парочку. Если раньше зеваки просто не обращали на иномирных гостей внимания, то теперь, кажется, и вовсе их не видели. Спрашивать у первопредка о причинах усилившегося игнора Ася опасалась. С него стало бы бросить работу и вернуться к варварскому методу взлома чисто из вредности или из каприза. Чем одно отличается от другого у этого странного типа, не хотелось даже разбираться. Пусть его психиатры изучают, если когда-нибудь подобный уникум к ним в загребушие руки попадется. Хотя сомнительно – Лихаэль, живущий под лозунгом «Да, я псих, и горжусь этим», был слишком могущественен, чтобы ненароком угодить в комнату с мягкими стенами. Скорей уж даже кратковременное знакомство с ним могло способствовать росту количества обитателей подобного заведения в геометрической прогрессии.

Наконец Лихаэль завершил выверенный танец пальцев и звучно хлопнул в ладоши. Узор сорвался с рук и растянулся по вертикали, образуя то, что действительно превратилось в светящийся проем двери.

Не церемонясь и, как обычно, не снисходя до вежливого приглашения, первопредок схватил Аську за руку и буквально кинул в проем. Сам сиганул следом.

Они вновь оказались у ручейка и ярких камней, на той самой живописной поляне величественного и дивного эльфийского леса, с которой все сегодня начиналось. Только теперь день явно перевалил за вторую половину, у Аси ничего не чесалось, и холмик черной пыли, собранный у подножия «дольмена», завивал спиралью ветерок, чтобы сноровисто унести вдаль.

Ася покрутила головой. Двери из ничего, созданной руками Лиха прямо посреди храма с раскрашенными статуями, поблизости тоже не наблюдалось.

– А где та дверь? – опасливо уточнила Аська.

– Где-то, – беспечно и убийственно абстрактно заявил Лихаэль.

– А можно конкретнее? – насторожилась собеседница.

– Я сделал дверь, но не привязку от мира к миру, она осталась открытой там, но сюда провела лишь раз, – сподобился выдать более детальную информацию предтеча. И удивился: – Ты что, хотела туда еще раз прийти?

– Нет уж, – отказалась от стремного туристского маршрута Покрышкина. – Просто интересно. А люди в ту дверь проходить смогут? И что будет, если к ним кто-нибудь неместный заявится?

– Почему нет? Все возможно! – проказливо рассмеялся Лихаэль, снова меняя настроение, как перчатки. – Это будет весело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/firsanova_yuliya/as-ka-i-liho

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)